

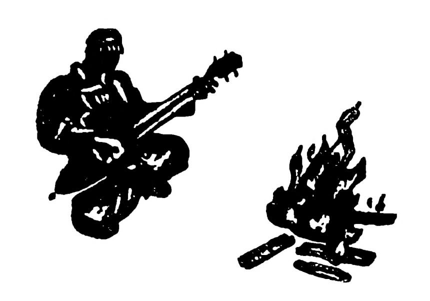

ACADEMIA

ФОЛЬКЛОР

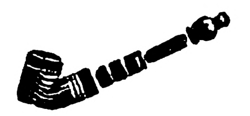
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ю. М. СОКОЛОВА

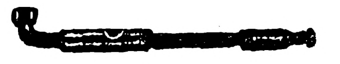
ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1935

АЛТАЙСКИЙ ЭПОС

СКАЗИТЕЛЬ М. ЮТКАНАКОВ
ПЕРЕВОД Г. ТОКМАШОВА
РЕДАКЦИЯ В. ЗАЗУБРИНА
КОММЕНТАРИИ Н. ДМИТРИЕВА

ACADEMIA

*Рисунки, заставки,
концовки, переплет
и супер - обложка
А. А. Шишова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ориенталист академик Б. Я. Владимирцов в своем введении к собранным им героическим сказаниям монголо-ойротов пишет, что в эпосе этих народов воспеваются подвиги степных аристократов, князей. Известный путешественник и исследователь Востока Г. Н. Потанин также утверждает, что богатыри у алтайцев (народов, входивших в состав Ойротского государства и ныне называющих себя ойротами) обычно богатые и знатные люди. В. И. Вербицкий, один из первых краеведов Алтая, приходит к тем же выводам. Записи Радлова и Никифорова подтверждают высказывания Владимирцова, Потанина и Вербицкого.

Сказка о «Когутэе», таким образом, занимает на Алтае особое место. В ней главными и положительными героями являются бедняк Когутэй и его приемный сын Бобрёнок. Оба они ведут упорную борьбу с могущественным и богатым Караты-Каном и его шестью знатными зятьями. Длительная борьба кончается полной победой Бобрёнка, его торжеством и гибелью Караты-Кана со всеми зятьями.

В сказке события развертываются с убеждающей последовательностью. Робкий бедняк Когутэй по настоянию своего сына Бобрёнка несколько раз приезжает к Караты-Кану сватать его дочь за своего приемыша. Караты-Кан остается глух к просьбам бедняка, зло издевается над ним и каждый раз умерщвляет неудачливого свата. Бобрёнок оживляет своего отца и снова

посылает его к гордому и жестокому кану. После двукратного умерщвления и воскрешения забитый бедняк Когутэй становится смелым и сильным. Он уже не с просьбами приезжает к Караты-Кану, а с требованием, подкрепленным угрозой. Караты-Кан, убедившись, что сила, действительно, на стороне бедняка, уступает ему, не отказываясь от борьбы скрытой, замаскированной притворной покорностью. Однако никакие хитрости, никакие обходные маневры Караты-Кану не удаются, и он вынужден принять в зятья Бобрёнка. После свадьбы вспыхивает борьба между богатыми зятьями с одной стороны и бедным и нелюбимым зятем Бобрёнком— с другой. Караты-Кан, конечно, на стороне знатных и богатых. В увлекательных картинах этой борьбы очень убедительно показано, что богатые каны-феодалы без своих подданных бедняков—ничто. Они не умеют самостоятельно ничего сделать, не могут даже прокормить себя охотой. Все их благосостояние покоится на труде бедняков, и как только эти бедняки обертываются против своих угнетателей,—угнетатели гибнут.

В сказке перед читателем пройдет жизнь кочевника и в бедной юрте пастуха, и в богатом дворце кана. В сказке он увидит скотовода алтайца, с ласковой иронией и теплотой рассказывающего о себе и о своей огромной, красочной родине.

Сказка о Когутэе в своей образной оснастке, своими «общими местами» не выпадает из ряда обычных алтайских сказаний. В ней только с большим искусством собраны все наиболее типичные и выразительные образы богатого языка алтайской народной поэзии. Сказка о Когутэе вместе с тем превосходит все другие произведения подобного рода на Алтае своим сложным и совершенным сюжетным построением. В ней читатель найдет и знакомые мировые сказочные сюжеты, но, повторяем, вплетены они необычайно искусно. Если ко всему этому добавить исключительное содержание, то читатель должен будет признать, что перед ним один из редкостных и прекраснейших образцов алтайского народного творчества.

Очень хорошим рассказчиком сказки о Когутэе на Алтае был талантливейший сказитель М. Ютканаков. С его слов, под его диктовку она и была записана

Г. Токмашовым в Аюне на Катуни в 1914 году. У переводчика алтайца (ойрота) знания в области русского литературного языка оказались недостаточными, поэтому его труд нуждался в обработке. Необходимо заметить, что редактор делал те или иные исправления только после того, как русский и алтайский тексты были тщательно сличены. Г. Токмашов не передавал ритма сказки. Его перевод был сугубо прозаическим. Ритм теперь введен в соответствии с подлинником, в пределах возможного, конечно.

Работа редактора, таким образом, заключалась в том, чтобы сделать русский перевод наиболее близким к алтайской записи. Перевод, безусловно, не лишен недостатков, причем некоторые из них прямо неустранимы. Например, смысл одной алтайской строки иногда надо было передавать двумя русскими. Никак нельзя было передать и начальную рифму, или начальную аллитерацию, столь распространенные в алтайской народной поэзии. Поэтому такие вот четыре строки:

Ат öлбöскö алтын-ба,
Эр öлбöскö монку-ба.
Аттын сööги алтай талдап ядарба
Эрдин сööги ер тал талдап ядарба.

приходилось переводить так:

Лошадь когда-нибудь да падет,
Она не золотая.
Герой не вечен,
Я когда-нибудь да должен умереть.
Кости павшей лошади
Места по себе не выбирают,
Кости умершего человека тоже
Землю не ищут.

В примечаниях проф. Н. К. Дмитриева (2664, 2694 и 3128) сказано—Перевод далекий от оригинала... Не вполне совпадает с оригиналом... Во второй версии оригинала несколько иначе и т. д.

Все эти разноречия вызваны тем, что редактор русского текста работал над более полным вариантом «Когутэя». Переводчик Г. М. Токмашов к сожалению

предоставил в распоряжение проф. Н. К. Дмитриева несколько иной текст сказки (сокращенный).

Надо сказать еще о небольших расхождениях русского текста с алтайским. В записях Г. М. Токмашова шкурка Бобрёнка упоминается трижды: в первый раз, когда он уходит из дому, второй раз, когда ловит коня, и третий раз, когда возвращается домой. Получается нелепость: шкурка, снятая и отданная Темене-Ко на хранение, снова появляется на Бобрёнке и снова снимается им и, по совету коня, сжигается на костре, а затем при возвращении домой та же шкурка (уже сожженная) вытаскивается из ящика Темене-Ко и еще раз сжигается.

Некоторые объясняют это обычным сказочным приемом, считают такие нелепости типичными для народной поэзии.

Я беру на себя смелость утверждать, что такие погрешности в народной поэзии отнюдь не типичны для нее, они типичны только для записей, сделанных под диктовку певца. Я утверждаю, что рассказ или пение певца под аккомпанемент топшура одно, а его же диктовка для записи—другое. Даже собственноручные записи текста, сделанные самими певцами-сказителями (они имеются в распоряжении пишущего эти строки), отличаются от того, что те же певцы рассказывают в юрте в кругу многочисленных и жадных слушателей.

Естественно возникает вопрос: почему такое расхождение между устной передачей и записями? Расхождение это объясняется, во-первых, тем, что во время диктовки у певца отсутствует тот особый творческий подъем, который свойствен каждому выступающему на сцене, и, во-вторых, записывание длится часто неделями и ведется обычно с перерывами, таким образом легко спутать несколько вариантов сказки, т. е., начав с одного, кончить другим. Акад. Б. Я. Владимирцов в Монголии столкнулся как раз с подобными изменениями текста сказаний в зависимости от обстановки, в которой находится певец, и от его настроений (см. предисловие акад. Б. Я. Владимирцова к его работе—«Монголо-ойратский героический эпос»).

Отредактированный русский текст «Когутэя» был просмотрен переводчиком Г. М. Токмашовым и полностью

одобрен. Одобрен он был и известным алтайским драматургом П. Кучияком и рядом лиц из переводческой комиссии при Исполкоме Ойротской автономной области. Знаток алтайского народного творчества П. Кучияк сообщил мне, что сказки или героические сказания алтайцев всегда построены безукоризненно, никаких «типичных нелепостей» в них нет, и если бы певец попробовал в юрте спутать эпизоды, хотя бы в том же «Когутэе», со шкурой Бобрёнка, то слушатели подняли бы его на смех, и такой человек навсегда бы потерял авторитет сказителя, его просто не станут слушать.

Таким образом редактор, исправляя русский текст, стремился только к тому, чтобы советский читатель получил наиболее верное представление об одном из образцов устного народного творчества алтайцев.

Насколько удачно выполнена эта работа,—судить не мне; тем не менее я надеюсь, что она не была напрасной.

В. Зазубрин

27 октября 1934 г.
Москва

ВВЕДЕНИЕ

Алтайский фольклор вообще и алтайский эпос в частности представляет довольно сложную картину. В нем отразилась богатая фактами история самих алтайцев, их социально-экономические отношения в прошлом и настоящем, начиная от седой древности и вплоть до советизации Алтая. Ярко выраженные черты родового строя и феодальной эпохи нашли себе художественное отображение в лучших образцах алтайского фольклорного творчества. Они-то, собственно говоря, и составляют основное содержание алтайских былин-эпопей. И на этом широком фоне, не нарушая его композиционной гармонии и цельности, отложились все те многочисленные напластования, которые характерны для дальнейшего хода истории Алтая. Старый шаманизм, в общем удержавшийся до революции, несмотря на противодействие других религиозных систем—христианства и буддизма в его специфических толках; культурное воздействие со стороны монгольских племен и — косвенно — со стороны Тибета и Ирана,— все это в прямом или скрытом, затушованном виде расскажет нам алтайская героическая поэма или сказка. Фольклорные памятники подобного рода являются в то же время как бы историческим документом: алтайцы до революции были в громадном большинстве безграмотны и не сохранили нам каких-либо исторических документов и записей в настоящем смысле слова. Таким образом точные сведения по истории алтайцев следует

искать у китайских, тибетских, персидских и, позднее, русских авторов.

При этом все такие показания часто бывают отрывочны и носят эпизодический характер: историки-хронисты редко ставили алтайцев в центр внимания и сведения о них черпали из третьих рук, а путешественники и торговцы не заглядывали в этот малодоступный край, так как в течение средних веков, а частью и в новое время, торговые пути из Персии в Китай пролегали южнее. Таким образом факты истории Алтая, в силу ее слабой документации (вернее, полного отсутствия таковой), для нас обезличены: они, как утратившие индивидуальные черты событий и лиц, легко растворялись в традиционной героике былин-эпопей, принимая сказочные формы и теряясь для собственной истории с тем, чтобы сделаться всецело достоянием литературного фольклора. Это не мешает современному исследователю различать в подобных произведениях те классовые основы, которые развивали и поддерживали этот род литературного творчества (см. предисловие В. Я. Зазубрина, стр. 7).

Выше мы употребляли термин «алтайцы» несколько условно и теперь должны сделать одну оговорку. Дело в том, что о едином племени алтайцев, так же как и об едином алтайском языке, в сущности, нельзя говорить. Алтай, с его чрезвычайно неровным рельефом местности, разобщенной горами и реками, не так давно представлял собой типичную феодальную формацию с отчетливыми пережитками родового строя. Алтай заселен несколькими племенами, более или менее близкими по языку: собственно алтайцы, телеуты, шорцы, черневые татары (тубалàр) и др. Из них первые называли себя также ойротами, так как некогда состояли в вассальной зависимости от монгольского племени ойротов. В дальнейшем под словом «алтайцы» в собственном смысле мы будем понимать именно это племя, пользуясь данным термином так же условно, как и до сих пор: название «Алтай» в смысле географическом (распространенное и общеизвестное) значительно уже, чем слово «Алтай», употреблявшееся в этническом смысле. Это объясняется, повидимому, той особой ролью, которую «Золотой Алтай» играл в идеологии названных и ряда других

племен и народностей. Алтай рисовался, как центр, родина и исконный очаг народностей, языки которых составляют так называемую тюркскую систему. В нее, кроме названных выше, включаются языки целого ряда народов, обитающих как на территории Сибири (якуты, сагайцы, сойоты и др.), Туркестана (уйгуры, узбеки, туркмены, казаки, киргизы и др.) и европейской части Союза (татары, башкиры, крымские татары и др.), так и за его пределами (турки, гагаузы). Языковедение конца XIX века и начала XX века выдвигало особую алтайскую теорию, и в алтайскую группу отходила, кроме очерченной выше тюркской, также группа монгольских и манджуро-тунгусских языков, строй которых на определенной стадии развития типологически близок к строю языков тюркской системы. Таким образом можно было говорить об алтайцах в широком и об алтайцах в узком смысле слова. Мы здесь будем иметь в виду только последних. Язык их «есть чистое тюркское наречие с печатью глубокой древности», как образно выражается о нем один из старых исследователей. Вследствие долговременного соседства и вассальной зависимости от ойратов и калмыков, алтайцы заимствовали в свой словарь много монгольских элементов.

Алтайские племена делятся в свою очередь на роды или кости (*сӧӧк*). Номенклатура отдельных костей, как и общий термин (кость), близко напоминает ту же схему у монгольских племен. Основные занятия алтайцев— звероловство, охота, скотоводство и земледелие в зачаточной форме, хотя и имеющее некоторую традицию. В таком виде застает их революция 1917 года. Мы можем, исходя из данных недавнего прошлого, представить себе эту массу племен, бродячих или полуоседлых охотников, которым, в противоположность монголам, не удалось составить какое-либо прочное и значительное государственное объединение, игравшее большую роль в истории. Алтайские племена, с многочисленными князьками-феодалами во главе, были заняты внутренней борьбой и чаще втягивались в орбиту чужой политики. Алтай, расположенный в стороне от мировых торговых путей, не мог претендовать на ту экономическую роль, которая выпала на долю монголов эпохи

Чингис-хана и последующей, не говоря уже о Китае и Персии. Вместе с тем нельзя, конечно, сказать, чтобы названные культурные страны совершенно не интересовались Алтаем: Алтай, как огромный резервуар сырья, богатейший склад животноводческих продуктов, разумеется, учитывался соседними странами. Интенсивные сношения монголов с алтайцами засвидетельствованы историей. В сказаниях монгольских и турецких племен «Золотой Алтай» обрисовывается самыми привлекательными чертами: это край, полный богатств, где царит сплошное лето и все скорее напоминает идиллию, чем реальную жизнь. Отбрасывая поэтическую дымку и безудержную гиперболу эпопей, некоторые исследователи смотрят на факты более прозаично. Обилие полезных ископаемых, которыми славится Алтай, было известно его обитателям и их соседям в разные эпохи не менее хорошо, чем нам. Разница только в технике и масштабе разработки металлов. «Золотой Алтай» не столько поэтическая метафора, сколько вполне реальная формула: «Алтай—склад металлов». Понятно, почему сюда стремились монголы, которые не могли жить в природных условиях Алтая, но которые остро нуждались в металле для вооружения своих прославленных армий. Не менее понятно, что сюда же устремлялись и интересы иранцев. Археологические раскопки последних лет, а также антропологические исследования установили достаточно твердо факт культурного воздействия Ирана на жизнь и быт примитивного Алтая. Как это обычно бывает, влияние это сказывалось не только на экономике края, но и на его религии и языке. И в самом деле: религиозные верования алтайцев представляют совершенно несомненные иранские черты (вплоть до отдельных терминов) наряду с буддийскими представлениями и терминами, пришедшими на Алтай через монголов.

Древнейшую структуру алтайского общества мы можем себе представить достаточно рельефно по древним тюркским документам, так называемым орхонским памятникам (нач. VIII в). Эти памятники, найденные на реке Орхоне, в Северной Монголии, представляют собой надгробные надписи на могилах каганов древнетюркского племени, которое китайские источники

называют «ту-кю» (повидимому, искаженное «тюрк»). Надписи исполнены на камне особым орхонско-енисейским алфавитом, который был дешифрирован в конце XIX века датским ученым В. Томсеном. Несмотря на официальный тон и традиционную реторику надгробных эпитафий (с сильным отражением китайской традиции), из них можно извлечь некоторые указания о современном им общественном строе. Во главе племенного объединения (*эль*) * стоит *каган* (слово монгольского происхождения, более известное в своей позднейшей форме: *хан*). Происхождение его власти — божественное; выше него только «синее небо» (*кöк тенгри*), его непосредственный покровитель. Каган окружен представителями родовой аристократии (*бег'и*), которые, однако, далеко уступают кагану в военной доблести и административных талантах. Каган вместе с *бегами* организует военные походы и оборону своего племени в случае нападения других; они же делят военную добычу и творят суд. Функция кагана и окружающей его аристократии кратко выражена в глаголе биль— знать (С. Е. Малов). Феодальной верхушке противопоставляется 'простой народ' (*будун*), функция которого выражена очень ярко и красочно: кара́ (смотреть). Как это нам хорошо известно относительно монголов, так и при «дворе» кагана и отдельных *бегов* народа ту-кю существовали, несомненно, певцы-сказители, которые должны были воспевать подвиги родовой аристократии и оплакивать знатных покойников при их погребении. Тогда же, вероятно, уже был известен общетюркский национальный музыкальный инструмент *кобӳз*||*комӳз*, который получил потом широкое распространение даже среди национальностей иной культуры (ср. украинское «кобза»). Сквозь традиционные формулы орхонских памятников (наш единственный непосредственный источник) пробиваются иногда образцы стихотворного фольклора типа своеобразной оды или элегии. Так, по крайней мере, с некоторым основанием полагал акад. Ф. Е. Корш

* Транскрипция всюду берется самая приближенная и на основе русского алфавита (единственно из тех соображений, чтобы не затруднять типографии).

относительно одного известного места из надгробной надписи в честь Кюль-Тегина.

Из тех же орхонских надписей мы получаем некоторые сведения о религии предков нынешних алтайцев. Повидимому, исконной формой религии там был шаманизм, в том или ином виде доживший до наших дней. Так как для понимания предлагаемой ниже алтайской поэмы - сказки «Когутэй» необходимо ознакомиться с системой алтайского шаманизма, хотя бы в самых общих чертах, мы остановимся на нем несколько подробнее, тем более, что по затронутому вопросу существует довольно большая специальная литература. Некоторые божества шаманского пантеона упоминаются еще в орхонских текстах; это: «синее небо» (*кöк тенгрѝ*) и его антипод—«божество земли и воды» (*йер-су*), а также богиня *Умàй*, богиня-мать, покровительница урожая и плодородия. Нечего и говорить, что все эти божества представлялись в виде стихийных сил природы и не были так «очеловечены», как древнегреческие божества, хотя и наделялись некоторыми атрибутами земных людей. По верованиям алтайцев, вся природа населена духами, которые живут не только на земле, но также на небе и под землей, т. е. во всех трех сферах, которые знает шаманская космогония. Каждая категория духов имеет свои особые названия. Подземные духи известны под названием *кöрмöс*, что объясняется как причастная форма глагола со значением 'невидимый'. Акад. В. В. Радлов высказал интересную мысль о том, что это название переделано из иранского Ахурамазда, т. е. что основное божество иранского пантеона, и притом божество положительного значения, попав в алтайскую мифологию, было усвоено здесь, как злой дух. Несомненно, иранского происхождения термин *кудàй*, которым обозначают духов неба: это закономерное отражение иранского *худá* ('божество'). Наконец, духи земли носят уже известное нам название *йер-су* (дословно: 'земля—вода') или даже просто *алтай*. Алтайская космогония делит всех духов на искони существующих (*тöс*—основание) и позднее созданных (*немѐ*). По своему отношению к человеку духи могут быть разделены на духов положительного значения, иначе чистых (*ару*), и духов отрицательного

значения, иначе черных (*карà*). Из черных духов центральное значение отводится Эрлику. Название это— монгольская переделка тюркского термина *эрклйкхан*, т. е. ‚сильный хан'; по другой версии, это—монгольская форма тибетского слова. Эрлик—бог болезней, смерти и подземного мира. В жертву ему приносят больных животных, причем самый жертвенник делается из кривых и гнилых кольев и шестов. Шаманы совершают ему служения («камлàют») на левой стороне юрты, у дверей, где стоит посуда с помоями. Ездит Эрлик на черной лодке без весел, на черном иноходце или лысом быке. Эпитет Эрлика—*кайракàн*—обозначает, по мнению А. В. Анохина, 'царь режущий', потому что Эрлик, прекращая жизнь человека, как бы перерезает душу, которую алтайцы представляют в виде тонкой нитки. В распоряжении Эрлика состоят его сыновья и дочери, которые исполняют второстепенные функции того же порядка, что и сам Эрлик. Из чистых духов наибольшее значение имеет *ÿльгèн*, по своим действиям полная противоположность Эрлику. Он создатель неба, светил и огня. Это— бог-громовержец, бог, ниспосылающий дождь и град. Ульген также имеет сыновей и дочерей. Наконец, духи земли, наиболее близкие к людям, живут тут же на земле, около самих людей. Это: духи воды и земли (*йер-су*), горных ледников (*езйм тайкà*) и духи гор (*алтай*). Местный характер этих духов подчеркивается тем, что они приурочены к определенному лесу, горе, ущелью и т. д. Поэтому отдельные горы, скалы, реки, которые называются именами духов, в глазах алтайца также представляются божествами и являются предметом поклонения. Каждое племенное деление, каждая кость (*сööк*) имеет, таким образом, свою священную гору, реку или скалу, которую и почитает в качестве родового покровителя.

В алтайских сказаниях о сотворении мира и человека мы найдем много сходства с вавилонской, библейской и другими версиями. В частности весьма характерно описание потопа, от которого Ульген спасся на корабле, предварительно захватив туда по паре из всех животных, пресмыкающихся и птиц. Любопытна и следующая деталь этого рассказа. По окончании потопа Ульген выпускает из корабля петуха, который не

возвращается на корабль, так как погибает от мороза; за ним выпускается гусь и, наконец, ворон.

Как и якуты, алтайцы признают существование души в трех видах: *тын*, *сюнè* и *юлà*. Под первым обозначением понимается внешнее проявление жизни организма, как-то: дыхание, рост, способность передвигаться. По этой причине *тын* составляет достояние всей органической природы, а не одних только людей. *Сюне*—это душа, взятая в абстракции, душа как некоторое особое существо, которое может отделяться от тела и жить отдельно. Когда *сюне* витает в пространстве, ее могут видеть из людей только шаманы, а из животных—собаки. Во время смерти тела *сюне* отделяется и принимает вид прозрачного пара, после чего поступает на суд Ульгена и Эрлика. Душа бессмертна и после отделения от тела приобретает характер духа, который также называется *кöрмöс* ('невидимый'), как и злой дух—кöрмöс по преимуществу (см. выше). Души—кöрмöсы—людей добродетельных направляются на землю, где и наслаждаются, а души—кöрмöсы—дурных людей поступают в подземный мир в распоряжение Эрлика. *Юла* представляет также двойник человека, живущий отдельно, но странствования ее продолжаются только во время жизни человека, и в соответствии с тем видеть *юла* может и обыкновенный человек. Упомянутые выше духи *кöрмöсы* служат предметами культа для своих потомков. Каждый алтаец почитает целую серию таких *кöрмöсов* за несколько поколений. При вступлении в брак муж и жена приносят каждый изображения своих *кöрмöсов* и соответственно размещают их на мужской и женской стороне юрты. Дети таких родителей, объединив *кöрмöсов* отца и матери, в дальнейшем, вступая в брак, будут прибавлять к ним своих, новых *кöрмöсов* и т. д. Кроме отдельных семей, особых *кöрмöсов* имеют и отдельные кости *(сööкий)*.

Посредниками между миром духов и человеком являются шаманы и шаманки (по-алтайски: *кам*). Шаманизм—типичное и специфическое явление культуры старого Алтая. Институт шаманов, несомненно, очень древнего происхождения. Несомненно также, что в социальном отношении шаманы составляли на старом Алтае особое сословие, среднее между родовой

аристократией и «простым народом» (*бўдун*). Функции шамана сводятся не только к культовому служению и сношению с духами на предмет установления их воли, но также к чисто медицинским обязанностям. С точки зрения старого алтайца эти функции однородны, так как болезни, как мы видели, по алтайским представлениям, тоже насылаются божествами. Шаманский ритуал необычайно сложен. Каждому божеству «камлают» по особому ритуалу; при этом помимо своеобразной одежды шаман пользуется также особым шаманским бубном и колотушкой. В этом отношении, как и в других, практика алтайцев весьма сходна с соответствующими явлениями из быта других народов Сибири. В специальной литературе не раз опубликовывались тексты и переводы шаманских заклинаний и прорицаний. По отзыву всех исследователей, записывать такие тексты необычайно трудно, так как шаман во время «вдохновения» выкрикивает или бормочет маловразумительные или, порою, совершенно бессвязные сочетания слов. При этом единственно, где выдерживается некоторая правильность и стройность,—это во внешней форме подобных отрывков. Поэтическая сторона—ритм, аллитерация и т. д.—проводится последовательно, как это обычно бывает в других жанрах алтайского фольклора. Впоследствии, когда экстаз шамана пройдет, ему бывает трудно, если не совсем невозможно, воспроизвести то, что он вещал во время «беседы с духами». Влиять на последних и убеждать их можно было, повидимому, при помощи одного убедительного, по мнению алтайцев, приема: это—указать духам их происхождение, т. е. родословную, и отметить в форме эпитетов их типичные свойства и функции. Нечто подобное мы встречаем mutatis mutandis и в финском эпосе, известном по сборнику «Калевала».

Идеологическое воздействие шаманизма на население Алтая было, несомненно, очень велико. Некоторую оппозицию шаманизм встретил в христианстве, которое сильно распространилось на Алтае во второй половине XIX века, хотя, разумеется, было известно там и раньше. Но при этом принятие новой религии алтайцем отнюдь не означало отрицания старой, последний путал и механически объединял положения и дог-

маты различных религиозных систем. Другим конкурентом шаманизму явились буддийские религиозные течения. Вероятно, их первое проникновение на Алтай произошло довольно рано: тем не менее наибольшее впечатление произвел так называемый *бурханизм*, распространение которого относится к 1904 году. Это религиозное движение, в своих основах, представляло сочетание некоторых буддийских догматов с большинством положений шаманской космогонии; при этом отменялись кровавые жертвы, типичные для ортодоксального шаманизма. Движение это, несмотря на свои специфические формы, стояло в связи с наступающей революционной бурей 1905 года: оно было навеяно национальными чаяниями алтайцев об освобождении от царизма. Между поклонниками нового учения усиленно распространялась версия о появлении могучего Ойрот-Кана, который сделается избавителем алтайцев и славным царем Алтая.

Бурханистское движение было скоро подавлено, но его отголоски сохранились, и потому бурханизм приходится иметь в виду, как одну из религиозных систем старого Алтая.

В предлагаемой ниже алтайской сказке «Когутэй» мы встречаемся со многими деталями шаманского мировоззрения: упоминаются духи, приводятся способы заклинания и «оживления» людей, по своим приемам напоминающие чисто шаманскую практику. Надо сказать, однако, что все эти «чудеса» наша версия подает не столько в форме героической эпопеи, как это полагалось прежде, сколько в разрезе волшебной сказки, которая рассчитана скорее на то, чтобы поразить слушателя, а не внушить ему наивную веру в силу шаманизма. Здесь—явное «снижение» эпической традиции, расцвет которой падал, естественно, на период развития феодализма, как это было у монголов и у якутов. С. Е. Малов формулирует это положение так: «В настоящее время... поэмы у алтайцев и абаканцев как-то измельчали, сократились, распались на отдельные части и превратились в обыкновенные сказки» (см. его предисловие к книге С. В. Ястремского «Образцы народной литературы якутов», Лгр. 1929, стр. 1).

Основным материалом, откуда мы черпаем наши

представлений об алтайском фольклоре, остается первый том изданных акад. В. В. Радловым «Образцов народной литературы тюркских племен». Том этот вышел в 1866 году, одновременно в подлиннике, записанном так называемой «академической транскрипцией», и в немецком переводе собирателя с предисловием акад. Шифнера. В этот первый том радловской серии вошли, как гласит подзаголовок, поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. Большое значение имеет также другая работа Радлова под заглавием: «Aus Sibirien» в двух томах (2-е издание, Лейпциг 1893). Книга содержит описание путешествий, проделанных автором еще в 1860—1870 гг. Здесь приводится большой этнографический материал (в частности по алтайскому шаманству) и попутно даются образцы фольклора. Отметим еще сборник В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы», вышедший под редакцией А. А. Ивановского (Москва 1893). Здесь также дается много сведений по этнографии края и, специально, по шаманству; затрагивается и фольклор, единственный вид литературного творчества у алтайцев. Кроме того, можно назвать ряд статей в отдельных журналах и газетах, но эти материалы имеют лишь эпизодическое значение.

По сборнику Радлова можно отчетливо представить, из каких жанров слагался алтайский фольклор эпохи шестидесятых годов прошлого столетия. Мы находим здесь указания на пословицы (*юльгер сöс*), сказки (*чорчöк*), легенды (*кучӱн*), басни (*тапкыр*), исторические песни (*кожöнг*), загадки. Из них исторические песни представляют собою древнейший отдел; это—разбитые на части осколки отдельных героических эпопей, воспевающие подвиги феодалов и борьбу племен, пользуясь всеми обычными атрибутами эпического творчества. Правда, в них нет той мощи и размаха, которые так характерны для бытующих и ныне якутских и монгольских эпических произведений. Алтайские герои (Аккöбöк, Кангса-бӣ, Саксы-бай и др.) обрисованы более бледными штрихами, и в самой передаче сказителя чувствуется больше традиции, чем непосредственного вдохновения и заинтересованности сюжетом. От пышных старинных эпических сказаний осталась чуть ли

не одна форма, ритмическая речь и определенные приемы композиции, но иногда как будто и форма не сознается как нечто ценное, и тогда фабула довольно легко перемещается в более свободные рамки сказки. Переход от героического эпоса, как особого жанра, к сказкам—типичен для алтайского эпоса.

В собрании Радлова мы находим много таких полупоэм-полусказок. Часто даже внешняя форма сказок (ритм, композиция) содержит указания на подобного рода процесс, и в настоящее время провести грань между алтайскими поэмой и сказкой далеко не всегда возможно. Таким вот образом героическо-эпический жанр растворяется в сказке, которая черпает свой материал также из других источников (собственно волшебные сказки, сказки о животных и др.). Другой путь деградации эпических поэм состоит в использовании их в качестве легенд. Здесь выделяются сюжеты, связанные с шаманизмом, и такие, которые по затронутым ими вопросам могли представлять для алтайца самодовлеющий интерес. Эпичность и спокойный тон их повествования отличают их от экстатической лирики шаманских гимнов, которые составляют другой полюс алтайского фольклора. Как эпос, так и лирика алтайцев являлась проводником иноземных культурных влияний, что отметил еще акад. Шифнер в своем предисловии к первому тому «Образцов» Радлова. Особенно значителен монгольский и иранский элемент, о чем мы вскользь упоминали выше. Связывая занесение фольклорных сюжетов и собственных имен на Алтай с развитием торговых путей, Шифнер замечает: «Такими путями вместе с другими товарами в глубь Азии проникли и духовные товары (sic)» (ук. соч., стр. XVI).

Как и всюду, фольклорные версии на Алтае распространялись исключительно устным путем. Нам очень мало известно о сказителях, об их школах и преемственности. Нет и прямого ответа на вопрос, в какой мере сами шаманы являлись носителями фольклорного творчества. Вероятно, шаманы, как один из столпов феодального порядка, не были чужды «фольклорной лаборатории», в которой сами феодалы были заинтересованы непосредственно. Как бы то ни было, богатство алтайского фольклора, которое признается всеми,

далёко не исчерпано еще и теперь. Что касается записей текста, то этим занимались обычно приезжие исследователи вроде тех, которых мы отметили выше. Сами алтайцы таких записей не производили, не говоря о других причинах, хотя бы и потому, что до революции грамотность на Алтае была очень низка. В настоящее время среди самих алтайцев появились собиратели фольклора, которые записывают его от сохранившихся еще сказителей. Эту инициативу нужно приветствовать, потому что с быстрыми темпами современной жизни и с перестройкой быта на Алтае старый фольклор исчезает, а для науки совершенно необходимо сохранить его типичные образцы.

При всех изменениях, которые переживал алтайский фольклор, форма его оставалась наиболее традиционной, потому что была замкнута в прочные рамки метрической речи. Менялась фабула, менялась композиция, менялось, наконец, освещение общих эпических фактов, но форма их передачи, подчиненная определенным законам стихосложения, всё же оставалась, если даже стихами передавалось не всё содержание произведения, а только часть—в форме вставных куплетов или диалога, что часто бывает в алтайском эпосе. С этой точки зрения алтайский фольклор считается современными исследователями весьма древним. Общий материал для подобного рода суждений и выводов представляла главным образом названная выше серия «Образцов» Радлова, изданная в общем довольно давно; тем не менее характеристика этих фольклорных версий с точки зрения метра, ритма, рифмы и композиции проделана сравнительно недавно ориенталистом Т. Ковальским. Основные выводы Ковальского сводятся к тому, что для «тюркского фольклора» характерны: силлабо-тонический принцип стихосложения, наличие аллитерации и рифмы, а также система строфической композиции. Обычный тип строфы состоит из четырех строк, и притом почти всюду проводится характерная симметричность: и по выраженной мысли, и по форме этот комплекс дробится на две части. Таким образом половина строфы представляет как бы антитезу к другой половине. Этот тип фразы особенно хорошо представлен в изолированных сентенциях, пословицах, загадках и т. д. Вот

несколько примеров из алтайского сборника Радлова (в переводе):

В сердце женщины живет одетый в броню
сверкающий мужчина;
В сердце мужчины живет оседланный
огненный конь.

Или антитеза в упрощенном виде, возможно, первоначальный тип предыдущей:

Где ездят,—там дорога;
Где живут,—там народ.

Или: Шею холостяка вошь поедает.
Его запасы собака поедает

Ср. примеры из нашей сказки «Когутэй»:

Лучшие кони на привязи стоят,
Лучшие богатыри у входа ждут *.

Или еще:

Половину своего скота отделю.
Половину своего имущества отдам.

Или еще:

Умирать будем—вместе умрем,
Пойдем куда—вместе пойдем.

В последних примерах смысловое противоположение сглажено, и остается только типичный прием параллелизма. В фольклоре тюркских народов параллелизм часто строится только на вариации числительных, которые относятся к одному предмету, в сущности остающемуся неизменным. Со стороны, на «свежего человека» это производит впечатление алогичности или небрежности, но в общем—здесь только стилистический прием параллельного воспроизведения одного и того же. Вот примеры из «Когутэя».

1. Он шесть гор перевалил,
Шесть морей переплыл.

* Все отрывки приведены в дословном переводе.

(Здесь варьируют сами предметы, а числовое обозначение остается тем же.)

2. В десять раз сильнее, чем прежде;
Вдвое сильнее, чем прежде [заплакала].

Или вариант:

Вдвое больше прежнего опечалилась,
Вдесятеро больше прежнего загрустила.

(Здесь варьируют обозначения количества, а сами предметы остаются без изменения.)

Или ср. знаменитые места из финской «Калевалы»:

Шесть он зернышек находит,
Семь семян он вынимает.

И еще более разительное:

На шестой бы день скончалась,
На восьмой бы умерла бы*.

Эта двойственность структуры выражения, как ее называет Ковальский, базируется на фактах грамматики языков тюркской системы. Так, здесь необычайно развит способ повторения, как морфологический и синтаксический прием («большой—большой»=очень большой; «дом-дом»=много домов), причем иногда одно из повторяемых слов деформируется в звуковом отношении и этим указывает на внешний характер параллелизма («бел—белый» вместо: «белый—белый»= очень белый; «книга—мнига» вместо «книга—книга»= много книг, всякие книги и т. д.). Более подробные примеры по вопросу о принципе двучленного строения можно найти в книге самого Ковальского или в ее русском пересказе Линина.

Основу тюркского стихосложения Т. Ковальский характеризует, как силлабо-тоническую. Это подтвер-

---

* Редактор последнего издания «Калевалы» в русском переводе Л. П. Бельского—Д. В. Бубрих видит в этом нечто вроде отказа от обычной логики вещей и соразмерного изображения предметов: «даже названия чисел не стремятся дать представление о числах» (стр. XX). Нам кажется, что дело здесь не только в этом.

ждается тем, что в стихе полагается определенное число слогов, и, во-вторых, что сильные и слабые слоги (по ударяемости) располагаются в определенном порядке. Прежние исследователи (напр. Радлов и Фабо) указывали главным образом на слоговой принцип, имея в виду принципиальное отсутствие в данных языках долгих гласных и постоянный характер «тюркского» ударения. Вопрос о ритмическом чередовании ударяемых слогов может вызываться только тем, что в морфологически развитых (=многосложных) «тюркских» словах возможно не одно (конечное, по общему правилу) ударение, а несколько ударений: главное и второстепенные. Как бы то ни было, число слогов играет в «тюркском» стихосложении главную роль, и принцип этот теоретики-националы обозначают термином «счет по пальцам» (турецкое название: «*пармàк хисабы̀*»). Работа акад. Ф. Е. Корша «Древнейший народный стих турецких племен», являющаяся по этому предмету основной, в полной мере подтверждает обрисованное выше положение. Наиболее древней формой стиха Корш считает семисложный, следы которого он пробует отыскать в орхонской надписи в честь Кюль-Тегина (см. у нас выше, стр. 17). Кроме него, встречаются стихи из пяти, восьми, девяти и одиннадцати слогов. Что касается числа слогов в интересующем нас алтайском фольклоре, то здесь дело обстоит так. Сказка ритмической формы (*чорчок*) не имеет точного размера. В стихе насчитывается 7—9 слогов, причем и строфическая композиция этого жанра также невыдержана: принцип двучленного построения не всегда выражен ясно, и потому разбивка на строфы в известной мере произвольна, что можно установить на примере даже такого знатока, как Радлов, который иногда одно и то же произведение разбивал на стихи по-разному. Сказанное применимо и к приводимой ниже сказке «Когутэй», при записи которой также знаток предмета Г. Токмашов иногда производил различное членение одних и тех же фраз, как это показывали подготовительные материалы настоящей работы. Трудность эта, несомненно, стояла и перед редактором русского текста В. Я. Зазубриным, которому к тому же приходилось сплошь и рядом одно алтайское слово передавать несколькими русскими.

Для образца приведем несколько примеров из подлинника нашей сказки. Стихи в ней необычайно разнообразны по числу слогов: начиная от пяти и кончая тринадцатью и более. Чаще других, повидимому, встречается восьмисложный стих, особенно там, где налицо прием двучленного деления:

Кары яжы йеде берген*,
Катан сöги божой берген.

Т. е. Старость его близко была,
Крепкие кости его ослабели.

Ритмический рисунок отрывка следующий:

— —́ | — —́ || — —́ | — —́ .

В пределах каждой стопы (из двух слогов) ударение ритмическое, совпадающее в нашем примере с прозаическим, ставится на втором слоге; цезура—после второй стопы. Гораздо чаще встречается невыдержанность: две соседние (параллельные) фразы имеют разное число слогов, и тогда вопрос о делении на стихи, в сущности, остается открытым, тем более, что и ритмический критерий иногда изменяет. Вот пример:

Кумдус палазынынг салган оды
                    öчпöс полды,
Аскан казаны сöбос полды.

Т. е. Огонь, раскладываемый Бобрёнком,
                    никогда не угасает,
Котел, который он подвешивает**,
                    никогда не стынет.

Схема ударений:

	′		(′)		′				′				(′)
1	2	3	4	5	6	7	8 ‖	9	10 ‖	11	12	13	14

	′			′ ‖		′		(′)
1	2	3	4	5 ‖	6	7	8	9

---

* Транскрипция всюду взята лишь приблизительная, так как в данном случае это не имеет значения для нас.

** См. примеч. к ст. 94 в конце книги.

Т. е. в первом стихе, состоящем из 7 двусложных стоп, мы имеем два случая ослабленных ритмических ударений и две цезуры; во втором случае—9 слогов, которые делятся на стопы так: 2+3+2+2, и имеют цезуру после второй стопы. Таким образом ритмический рисунок этих двух стихов совершенно различный, тогда как содержание их (см. перевод) представляет несомненный параллелизм. Или еще один, на наш взгляд показательный случай:

Темене-кō бала
Адазынынг эжигинен чыгып алып

Т. е. Девица Темене-Ко
Из отцовской двери вышла.

Схема ударений:

```
   (')     '
_  _  | _  _ || _  _
1  2  | 3  4 || 5  6

   '       '       '               '
_  _  | _  _ || _  _  _  _ || _  _  | _  _
1  2  | 3  4 || 5  6  7  8 || 9  10 | 11 12
```

Итак, в первом стихе всего 6 слогов со слабо намечаемой цезурой после четвертого, а во втором целых 12 с двумя цезурами. Между стихами нет рифмы, и потому можно спорить, как разделить пополам общее число слогов в этих двух стихах. Попытка, однако, будет бесплодной, так как первый стих по соображениям грамматики и стиля нельзя присоединить ни к предыдущей фразе (нами не приводимой, где речь идет о богатырях), ни к последующей. И подобных примеров наша сказка представляет значительно больше, чем примеров симметричной ритмизации и расчленения стихов. Перед нами, несомненно, распад когда-то стройной эпической техники, жанровое снижение эпического образца,—выраженный не только по содержанию, но и формально процесс перехода героической поэмы в сказку. Дальнейший этап—отказ от мерной речи и обращение к прозе, быть может, с небольшими вставками стихов-пословиц. Стихи же сентенции, как мы видели немного выше, более устойчивы в своем построении, чему, конечно, способствует проведенный в них принцип двучленной структуры.

Алтайские исторические песни (*кожонг*) сохранили стихотворную форму значительно лучше, хотя и они, уже в эпоху Радлова, также иногда не обнаруживали закономерности в строении стиха. По наблюдениям Ковальского, стих *кожонг*'а обычно состоит из 7 или 8 слогов. Корш объяснял подобного рода изменения (переход от 8 слогов к 7) «ускорением выговора», т. е. тем, что при чтении нараспев (или пении) два слога иногда произносили в количество времени, потребное для одного. Наблюдается в этих двух стихах также и некоторое единство в смысле места цезуры: 5+3 и 4+3. К тому же и строфическая композиция *кожонг*'а выдерживается более или менее правильно, т. е. каждая строфа нормально состоит из 4 стихов.

Что касается рифмы, то она, по справедливому замечанию Ковальского, в тюркских языках определяется упоминавшимся выше принципом параллелизма речи и строгим единством морфологии, в результате чего при параллельном расположении двух фраз, связанных по мысли, на конце фраз неизбежно окажутся или два глагола с одинаковым окончанием, или два существительных в одинаковом падеже и т. д. По мнению Ковальского, в большинстве современных тюркских языков гораздо труднее избежать рифмы, чем подыскать ее. Поэтому-то так богаты внешней и внутренней рифмовкой такие, казалось бы, прозаические отделы «тюркского» фольклора, как пословицы, поговорки и прочее. Вот примеры из подлинника нашей сказки:

Алты кара ат ары*гàн*
Арка мойны сайлан*гàн*

т. е. Шесть черных коней—исхудавшие,
Спины и шеи у них—торчащие.

Здесь причастная форма глаголов с окончанием—*ган* представляет как бы «непреднамеренную» рифму.

Или Кöргöн кöс юм*галакта*
Сунган кол тартын*галакта*,

т. е. Смотрящий глаз чуть только моргнул,
Протянутая рука чуть только дрогнула[как...]

Здесь рифма построена на сходстве падежей отглагольного имени. Иногда встречаются в конце двух фраз дословные повторения нескольких слов:

Бир будуна е*тен сыгын тепкен*
Бир будуна ал*тон сыгын тепкен*

т. е. На одну (свою) ногу * семь*десят маралов нацепил*,
На другую (свою) ногу шесть*десят маралов нацепил*.

В этом примере рифма тройная: 1+2 (абсолютное звуковое совпадение) и третий элемент (который и представляет собственно рифму). В арабско-персидской классической метрике подобные явления также имеют место: там часть 1+2 называется *редифом* (прибавление), а часть 3—собственно рифмой.

В отношении рифмы алтайский стихотворный фольклор стоит особняком среди фольклора других «тюркских» народов. Прежде всего в алтайской фольклорной поэзии рифма отнюдь не обязательна: чаще встречаются белые стихи. И действительно: в оригинале нашей сказки «Когутэй» мы в большинстве стихов рифм совершенно не находим. Там, где рифма есть, это связано с приемом параллелизма. Алтайскую рифму, поскольку это— рифма тавтологическая или глагольная, приходится считать бедной. У других «тюркских» народов рифма достигла более высокого развития (случаи неграмматических рифм), и Ковальский основательно видит здесь влияние арабо-персидской метрики. А так как алтайский фольклор никогда не был под интенсивным влиянием арабской и персидской *литературы* (как это было, например, в Турции), то и в отношении рифмы арабо-персидское воздействие предполагать здесь невозможно. Не знавший ислама Алтай в этом отношении, как и в других, стоит гораздо ближе к якутам и монголам, чем к туркам и узбекам. Дело в том, что в поэзии всех трех только что названных сибирских народов развита

---

* Интересно, что по-алтайски и здесь неизбежно получается рифма, потому что «один—другой» передается как «один—один».

не столько рифма, сколько аллитерация, и притом аллитерация начальная (анафорическая). Так как, по закону фонетики этих языков, в начале слов могут быть не все звуки, а только определенные и притом ограниченные по количеству, то, скажем, старое тюркское слово, которое в районе Крыма может иметь в начале «г» и «к» (ср. *гель-кель* приди), на Алтае фактически звучит только с «к» (т. е. *кель*, а не иначе) и т. д., и т. д. А так как таких случаев несколько, то в начале соседних слов сплошь и рядом встречаются одинаковые согласные или гласные (иногда—по два одинаковых звука). Аллитерация развита настолько, что у якутов, монголов и отчасти алтайцев ее, действительно, надо избегать, а не подбирать нарочито. Вот примеры из «Когутея»:

*К*ан *К*ереде *к*ан *к*уштынг
т. е. Каен-птицы Каен-Кереде.

или: *К*ара *к* öль *к*айнап *к*алды.
т. е. Черное озеро, закипев, осталось.

или: Кöргöн *к*öскö *к*юзюлю,
т. е. Смотрящему глазу завидно.

или: *А*к *а*рканынг *а*гажын.
т. е. Дерево белого кряжа.

Примеры на аллитерацию между соседними строчками:

*А*лтын öргö кирдилер
*А*штаганын тойгыстылар
*А*рыганын семирттилер
*А*лтын табак ӱстӱненг.

или: *К*öксӱбистинг канындый
*К*öзибистинг одындый

или: *А*к малын кöргöжин
*А*лтын пукту болуптыр
*А*лбатызын кöргöжин
*А*лтын тонду болуптыр.

или: *Т*огус *к*ырлу *к*ара *к*амчы
*Т*удунган *к*ирип *к*ельди
*Т*енгерендий *к*юзюрт этти
*Т*емир *к*ептю йыйырт этти.

Примеров в нашем тексте имеется очень много. Ковальский подметил, что аллитерируют обычно гласные «a» и «e», а из согласных: «k», «t» «p», «s» и «j». Аллитерация заменяет собой рифму. Встречается она, как известно, в тех языках, где главное ударение стоит на первом слоге и где, по выражению одного лингвиста, «фокус фонетического внимания переносится на начало слова». В связи с этим стоит проблема о старом тюркском ударении, которое, подобно современному монгольскому, было, очевидно, на первом слоге слова, а не на последнем, как мы имеем теперь.

Для того, чтобы покончить с внешней стороной сказки «Когутэй», отметим, что в ней неоднократно встречаются поговорки и пословицы (обычно с рифмой), неоднократно вкрапленные в текст. Таковы выражения:

Буды йогы таяк-пыла
Кӧзи йогы йедек-пиле

т. е. У кого нет ног, те с палкой;
У кого нет глаз (=слепые), те с поводырем.

или: Вдоль Алтая обошел—
Следов его не нашел.

(В нашем тексте эти слова отнесены к женщине Темене-Ко, ищущей своего мужа.)

или: Ушел, когда не нужно уходить,
Умер, когда не нужно умирать.

или: Коли пойдешь, почему не дойдешь?
Коли поедешь, почему не доедешь?

или: Лошадь когда-нибудь да подыхает,—
Ведь она не золотая.
Человек не может жить вечно,—
Я когда-нибудь да умру.

Кроме того в языке сказки встречаются и другие приемы, характерные для алтайской разговорной речи, например, употребление парных словосочетаний, из которых только одно имеет полновесное значение, а второе как бы только подкрепляет его: *табыш тадм сурады*—спросил «новости-мовости» (*табыш*—'известие'), т. е. 'всякие новости' или 'разные известия'. Сюда

же следует отнести выражение *куш-курт* (птица—червь), т. е. 'все живое', органическая природа. Термин этот встречается у якутов и в ряде других тюркских языков. Ср. еще выражение *алма̀—толмо́* ('попеременно'; 'и так и этак'), *катáй-тетёй* ('одно за другим') и пр.

Предлагаемая ниже сказка «Когутэй»—по существу только небольшой отрывок богатейшего алтайского эпоса. Но отрывок этот до того насыщен специфическими чертами алтайского фольклора, что на основании одной этой сказки уже можно делать некоторые общие выводы, особенно если включить нашу сказку в контекст алтайского сборника Радлова. Выше мы старались показать, что по своей метрической форме и языку «Когутэй» является типичным представителем особого алтайского фольклорного жанра—героической сказки. В известных отношениях там уже наметилась близость нашей сказки к одноименным образцам якутского и монгольского фольклора. Если теперь обратиться к содержанию сказки, то в своих деталях, в отдельных мотивах и образах она стоит гораздо ближе к эпосу соседних сибирских народностей, чем к эпосу западных «тюркских народов». И в самом деле: в поэмах и сказках тувинцев, якутов и монголов мы находим так много общего с деталями нашей сказки, что иногда кажется, будто это одна большая сказка. И это понятно: в смысле социально-экономических условий и стадий культурного развития алтайцы больше тяготели на восток, чем на запад, который был прегражден от них русской колонизацией. Алтайский фольклор следует прежде всего сопоставлять с фольклором народностей, населяющих Присаянье, Якутию и монгольские степи, а потом уже с фольклором других «тюркских народов», из которых ближе всего к алтайскому подходит киргизский и казакский фольклор. Не только целые мотивы, но и отдельные выражения сближают алтайский фольклор с эпосом Присаянья, который собран Н. Ф. Катановым и издан в девятом томе упоминавшейся выше серии Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен». В примечаниях к прилагаемой ниже сказке эта работа по сопоставлению проделана более детально; здесь ограничимся только более или менее общими соображениями. Самый тип

богатыря и характер его подвигов; кровная связь богатыря с конем, так что масть коня, на котором ездит герой, превращается как бы в его прозвище, постоянный эпитет или, по-нашему, фамилию; описание битвы-поединка и могучей скачки богатыря на своем верном коне; пир с неизменными водкой и мясом; образ синего быка и даже заимствованный образ буддийской птицы «гаруда» (= алт. *кереде*)—всё это одинаково свойственно и алтайскому, и саянскому эпосу. С якутским эпосом нашу сказку роднит безудержная гипербола описаний, которая, как и у монголов, превосходит гиперболу финской «Калевалы» и, конечно, знающую чувство меры гиперболу античных литературных шедевров.

Прием аллитерации, произвольное обращение с числами при параллелизме—явления, общие у алтайцев и якутов. Далее можно отметить сходство представлений о душе и одинаковое описание земной идиллии—вечного лета, которое окутывает «Золотой Алтай», награждающий этим героя за его подвиги. Та же птица «гаруда» (этому слову точно соответствует якутское *хардай*) из мифических образов и, наконец, та же вестница весны—кукушка, голос которой одинаково приятно слушать на малолюдных пространствах Якутии и на хребтах «Золотого Алтая».

Таков же общий колорит бурятских эпических сказаний, насколько мы можем о нем судить, и—далее—других монгольских племен. Достаточно для этого взять фундаментальное издание акад. Б. Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос» (Москва—Петроград 1923), где не только фактический материал в его частностях, но и само введение автора в значительной степени применимо и к нашему тексту. Только вместо монгольского, по преимуществу, степного пейзажа алтайская версия повествует больше о горах, покрытых лесом, и ущельях. Фон действия слегка изменен, а самое действие, герои и их противники в общем те же. Детальное сопоставление монгольского эпоса с произведениями тувинцев, якутов, монголов и бурят еще не делалось, но общие линии соприкосновения можно установить уже сейчас.

В противоположность алтайской, туркменская, уз-

бекская, татарская и даже турецкая сказка скупа на описания и более рациональна: в ней резче выступает схема действия, и почти нет больших картинных описаний,—это как бы скелет сюжета. Между тем алтайская сказка, как и якутская, чрезвычайно декоративна. В ней гораздо больше внимания обращается на описание обстановки и детали, чем на самый ход действия, иногда в ущерб этому последнему. Та же особенность присуща и монгольскому фольклору. Все эти сказки—особый тип богатырского эпоса, сниженная по форме героическая эпопея, каких уже не осталось у туркмен, узбеков, татар и турок, или живущих в иных социальных условиях (турки), или находящихся на иных стадиях культурного развития. Для подтверждения нашей мысли достаточно сослаться на описание алтайской идиллии (см. ниже, стр. 128) и пира (ниже, стр. 168), не говоря уже о других, в высокой степени художественных местах.

В основе сказки лежит мотив о тройном эпическом подвиге, осложненный мотивом о волшебном превращении героя (Бобрёнок оказывается богатырем Кускун-Кара-Матыром) и мотивом о разыскивании пропавшего мужа женой. Вначале введен специфически алтайский мотив усыновления и троекратного сватовства, происходящего также в стиле выполнения эпических задач.

Не менее колоритны: бедняк Когутэй и его тихая старуха, гордый и самонадеянный Караты-Кан, его трусливые и тщеславные зятья, его младшая дочь, терпеливо коротающая дни со своим «суженым»—«мужем-бобром». И все это дополняют художественные описания алтайского пейзажа, дух которого так и чувствуется, несмотря на многочисленные штампованные места и международные сказочные мотивы. Последние представлены в «Когутэе» довольно широко, и по этим основаниям сказка должна быть введена в фольклористический оборот. На общие международные сюжеты в алтайском фольклоре обратил внимание еще Шифнер в своем предисловии к сделанному Радловым немецкому переводу первого тома «Образцов». Между прочим Шифнер отметил существование у алтайцев сказки типа «Царевна-лягушка», которая должна быть сопоста-

влена с нашей сказкой, где вместо лягушки (жена) выступает Бобрёнок, фигурирующий в роли мужа*.

Внешняя история сказки «Когутэй» изложена в предисловии В. Я. Зазубрина. Алтайский собиратель фольклора Г. М. Токмашов записал ее в 1914 году от сказителя М. Ютканакова (в алтайском произношении почти Тьютканаков, так как алтайцы начальный «йот» произносят почти как «тьй»). Дословный черновой перевод Токмашова был литературно обработан В. Я. Зазубриным. Получив от издательства «Academia» предложение снабдить текст примечаниями, а также вводной статьей об истоках, содержании и общем характере алтайского эпоса, я, кроме того, провел довольно кропотливую работу по сличению отработанного русского литературного перевода с подлинником, в результате чего в названный перевод пришлось внести некоторые изменения. Настоящая статья и примечания, комментирующие текст на фоне быта и фольклора, пытаются помочь читателю в правильном восприятии одного из лучших образцов алтайского эпоса.

Н. Дмитриев

---

* Что касается извлечения из «Когутэя» международных мотивов и сопоставления его, в первую очередь, с русскими сказками, то здесь, как нам кажется, напрашиваются следующие выводы. (Сравнение делается по книге Н. П. Андреева, «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», Лгр. 1929.) Эпизод с «мужем-бобром» соответствует в общих чертах № 440 (царевич-лягушка). Эпизод с сожжением бобровой шкуры может быть поставлен после № 442, т. е. примерно за № 443. Ср. еще № 409. Эпизод с конем-помощником напоминает № 540 В. Коварный поступок свояков, которые обманом убивают Кускун-Кара-Маатыра, можно поставить после № 550, т. е., примерно, как № 550-а. Эпизод о жене, обошедшей «Весь Алтай» в поисках мужа, относится к № 400 и может быть обозначен как № 400 С. Имеются и другие, более мелкие, случаи совпадения.

КОГУТЭЙ

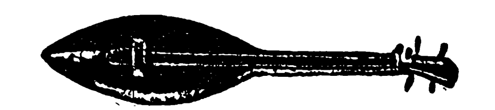

У чёрной горы
Со ста водопадами,
На берегу синего моря
Со ста заливами
Жил Когутэй,
Ездивший на синем быке.
Старость его
Близко была.
Крепкие кости его
Ослабели.
Зубы его,
Как бобёр, пожелтели.
Голова его,
Как лебедь, побелела.

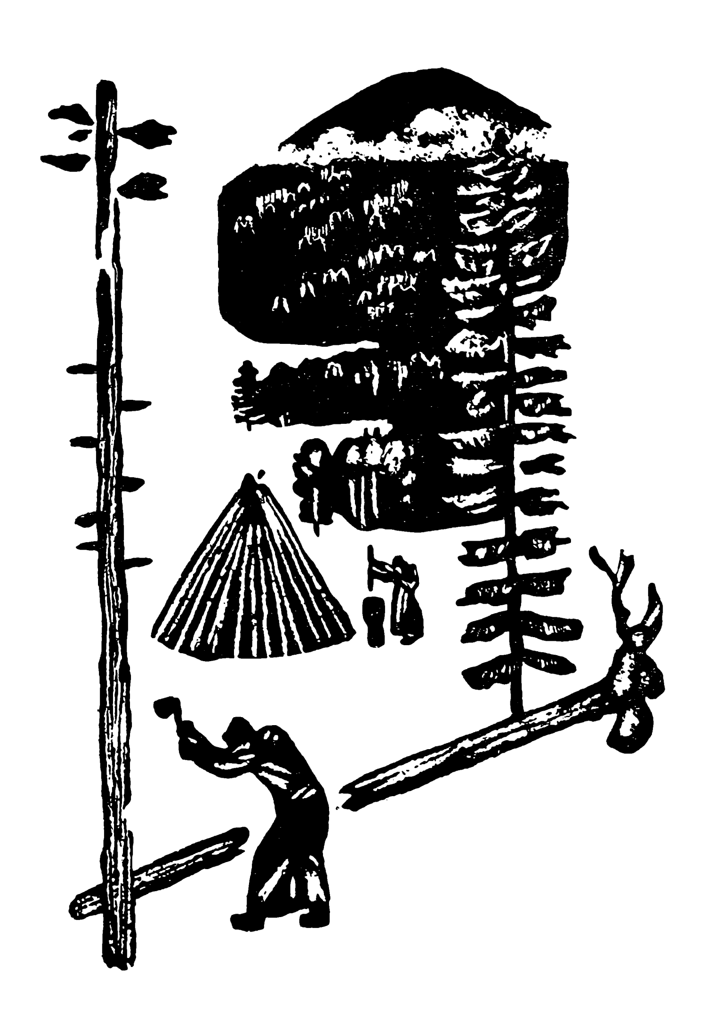
Годы его
К концу подходили.
Прошедшие дни его
Удлинились.
Предстоящие дни
Укоротились.
Так жил Когутэй
Со своей старухой.
Детей у него
Не было.
Пасущихся стад у него
Не было.

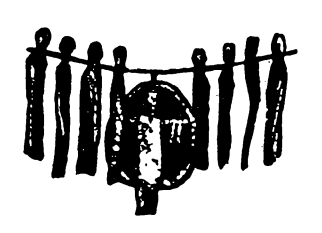
Однажды Когутэй синего быка своего седлает,
Обветшалый войлочный потник кладет,
Седло таловое загнившее накладывает,
Чёрный аркан в шестьдесят саженей берёт,
К торокам седла его приторачивает,
За пояс белый топор затыкает.
На синего быка Когутэй садится,
Сухие дрова рубить едет.
На чёрную гору со ста водопадами
По белым ущельям поднимается.
Трижды чёрную гору объехал,
Гнилых дровишек не нашёл.

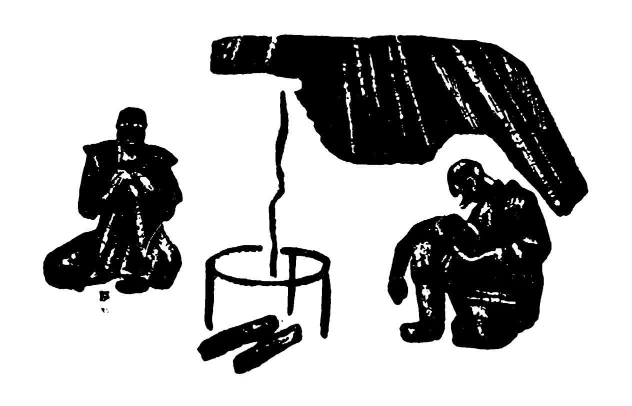
К синему морю о ста заливах
По узкому ущелью Когутэй спустился,
Трижды вокруг залива объехал,
Лиственницу с тремя дуплами нашел.
К ней подъехал, говорит:
— Гнилое дерево нашел.
Белый топор свой достал,
Коня—синего быка привязал,
Лиственницу рубит и охает,
Жёлтый сок летит.
Пламенный костер разложил, говорит:
— Мне, старику,
Хоть гнилые дрова будут.
Три дня лиственницу рубил,
Дуплистую лиственницу свалил,
Дуплистая лиственница упала,
Из дупла бобрёнок выскочил.
Когутэй бобрёнка увидел,
Белый топор свой бросил, говорит:
— Жене моей
На опушку шубы годится,
Мне, справедливому старику,
На ворот годится.
Догнал он бобрёнка,
Хочет его убить.
Бобрёнок ему говорит:
— Меня не убивай,
Слепого хочу
Зрячим сделать,
Безногому хочу
Ноги дать,
Бездетному хочу

Сыном стать.
Когутэй бобрёнка поймал,
За пазуху положил.
Гнилую с тремя дуплами лиственницу
Пополам разрубил.
В шестьдесят саженей
Чёрный ременный аркан достал,
Лиственницу, на-двое разрубленную,
Трижды обмотал,
На спину синему быку привязал.
Домой Когутэй отправился,
К жене-старухе Алган-Таган приехал.
— Нашел ребёнка-бобрёнка,—говорит.
Старуха сказала:
— Хоть и бобрёнок,
А будет нам ребёнок.
Когутэй, ездивший на синем быке,
На землю бобрёнка спустил.
Гнилые дровишки,
Когутэем привезенные,
Бобрёнок в огонь очага кладет.
Сыном бобрёнок становится.
Огонь в юрте не угасает,
Пища в казане не остывает,
На всём готовом Когутэй со старухой сидят.
Воду бобрёнок носит,
Пищу в котле варит,
К старикам ласкается,
Отцом и матерью их называет.
Старик Когутэй на мужской стороне отдыхает,

Бок греет,
Днями лежит.
Старуха на женской стороне валяется·
Тоже бока свои греет.
Огонь в очаге не потухает.

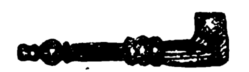
Однажды бобрёнок потерялся,
Семь суток пропадал.
Заплакала старуха Когутэя,
Затужил старик Когутэй, говорит:
— Духа земли и воды, видно,
В дети хотел я взять,
Но дух меня обманул,
От нас, стариков, он скрылся.
Нужно его мне было убить.
Шкурка тебе, моя старуха,
На опушку годилась бы,
Мне, справедливому, бобёр
На ворот годился бы.

Семь суток старик со старухой плакали,
Семь суток в печали провели.
В конце седьмого дня
Бобрёнок возвратился.
Издали им закричал:
— Отец мой!
Мать моя!
Старик со старухой бобрёнку обрадовались:
— Единственный сын наш вернулся.
Где был?
Что видел?—
Спрашивали.
Бобрёнок им отвечает:
— В ногах синего моря о ста заливах,
На вершинах чёрной горы со ста водопадами
Живет Караты-Кан, ездящий на вороном иноходце.
Я у него во владениях побывал.
Его скот
На Алтае не вмещается.
Его народы
На земле не вмещаются.
Его счастье,
Как река, течет.
Богат он,
Могущественный начальник народов.
Шесть дочерей замуж отдал.
Шесть знатных зятьев у него.
Только младшая дочь Темене-Ко— девица.

Я на нее посмотрел.
Бобрёнок стариков просит
Дочь Караты-Кана, Темене-Ко,
За него посватать.
Старик со старухой удивились.
Бобрёнок за водой из аила выбежал,
Когутэй с женой говорит:
— Бобрёнок нам ребёнком не будет.
Нечистая сила у нас приютилась,
Шкуру бобра надев.
Она нас погубит.
Велик Караты-Кан,
Могуч и властен,
Многих он покорил...
А у нас
Не из чего пищу приготовить,
У нас
Соли нехватает,
Нет у нас
Скота вскормленного.
Сын наш бобёр
Неравное задумал.
Нужно его отговорить,
Но если бобрёнок
Араку и чеген найдет,
Можно съездить
Канскую дочь посватать.
Бобёр в аил вошел.
Когутэй сказал:
— Если араку и чеген найдешь,
В страну Караты-Кана поеду,
Дочь его буду
За тебя сватать.

Бобрёнок из аила выскочил и скрылся,
Двое суток не возвращался.
Старик со старухой смеются:
— Где ему араку и чегень найти,
С чем ему к Караты-Кану ехать?
Старики со смехом уснули.
Бобрёнок на чёрную гору со ста водопадами
По белым ущельям поднялся,
Из-под растущей там березы
Красную китайскую чашечку достал,
Из-под корней таволожника
Один ташаур араки достал,
Ташаур в зубы взял,
Домой прибежал,
В аил вошел,
У огня сел,
В золотой чоочой араку налил, запел:
— Мои старые отец и мать, вставайте,
Вино из золотой чашки попробуйте.
Старики проснулись,
Встали, смотрят:
Бобрёнок золотую чашу араки
Держит и поет:
— Отец и мать,
По одной чашечке выпейте,
Хорошо будет вам спать.
Старик со старухой
По одной чашке выпили.
Тела и кровь у них согрелись,
Пальцы и ногти разгорелись.
Старуха, опьянев,

Лишнее заговорила.
Когутэй сказал:
— Хоть и стар я,
Но к Караты-Кану съезжу,
Дочь его посватаю.

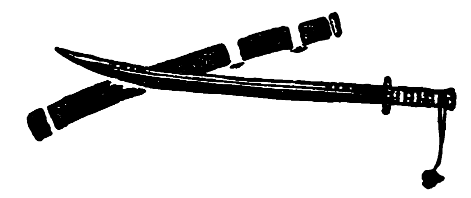
Когутэй коня—синего быка седлает,
Старый войлочный потник накладывает,
Сгнившее таловое седло кладет,
Золотой ташаур в тороки привязывает.
Старуха Когутэя рукава засучила.
— Я пьяна, но пищу сварить
Могу,—говорит.
В страну Караты-Кана
Старик Когутэй отправился.
Вниз по течению синего моря
О ста заливах едет,
Через три мерге
Окраину народа увидел,
До пасущегося скота доехал.
Караты-Кана шесть славных зятьёв

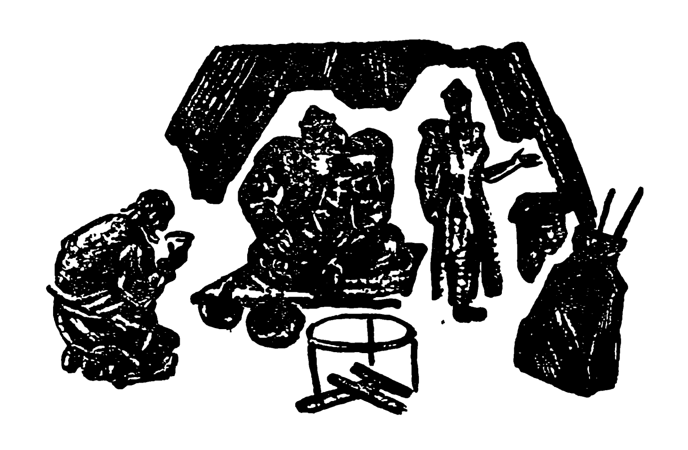
У золотой коновязи стоят,
На мудрые мысли опираются,
За ненасытные бока руками держатся.
Чёрные глаза кровью налились,
Из гладких лбов пот выскочил.
Как быки глядят,
Как самцы-верблюды ревут.
Когутэй издалека едет,
За месяц пути
С высокого Алтая их видит.
К коновязи Караты-Кана подъехал.
Шесть славных зятьёв
Коня-быка Когутэя приняли.
Когутэй золотой ташаур в руки взял,
Изношенную свою войлочную шапку снял,
За пазуху её спрятал,
В двери заходит,
Занавеску отдёргивает.
В передней части аила Караты-Кан сидит.
Толст он,
Как вековой тополь.
Глаза у него
С большую чашку.
Когутэй у огня садится,
Трубку и кисет достает,
Табачные корешки разминает.
Караты-Кан свою большую трубку накладывает,
Новости друг у друга расспрашивают,
Из золотого ташаура наливают,
По одной чашке выпили.
Караты-Кан спрашивает:
— Живущий под чёрной горой со ста водопадами,

На берегу синего моря со ста заливами
Ездящий, вместо коня, на синем быке,
Старик Когутэй, за каким делом приехал?
Не просить ли остатки от нашего стола приехал?
Не просить ли изношенную одежду и обувь приехал?
Когутэй поклонился,
Свататься начал.
Караты-Кан как небо загремел,
Как железо зазвенел:
— Когутэя пополам разрубите,
В тороки синему быку привяжите,
Быка домой прогоните.
Шесть славных зятьёв подбежали,
Старика Когутэя схватили.
Когутэй в беспамятство впал.
Шесть добрых богатырей
Когутэя пополам разрубили,
На синего быка к седлу приторочили,
Синего быка прогнали.
Синий бык домой с ревом шел.
Бобрёнок о беде издалека узнал.
Отца Когутэя пополам разрубили,
В тороки синему быку привязали.
Бобрёнок старухе говорит:
— Мать, должно быть, Караты-Кан сватовство принял,
Мой отец Когутэй без чувств пьян едет,
На обе стороны синего быка развалился.
Три мерге прошло,
Синий бык к дверям аила подошел.
Старуха старика увидела:
Кровь его разлита,

Лёгкие его иссохли,
Мертвецом Когутэй вернулся.
Старуха в ладоши захлопала,
По коленям руками стукнула,
Горько заплакала.
— Ты, бобёр, моего старика загубил,
Ты его голову съел,
Ты дух земли и воды,
Ты, негодяй бобрёнок,
Мужа моего погубил.
С мужем этим
Я смолоду жила.
Старуха из тороков Когутэя развязала,
Обнимает его и плачет.
— Бобрёнка в сыновья взяв,
Свою голову ты погубил,
Зверя земного и водяного в сыновья взяв,
Свою душу ты погубил.
Старуха бобрёнку говорит:
— Железной прожигалкой
Глаза бы тебе выжечь,
Железкой острой
Красную душу тебе перерезать.
Вокруг аила трижды обежала,
Бобрёнка поймать не могла.
Бобрёнок старухе кричит:
— Мать, не бей меня.
Отца моего Когутэя
Я оживлю!
— Если можешь оживить,
Иди отца оживи.
Бобрёнок говорит:
— Ты меня бить будешь.

— Иди, мой сын,
Тебя бить не буду.
Старуха в сторону отошла.
Бобрёнок через труп Когутэя
Взад и вперед
Широко скакнул.
Кости Когутэя соединились,
Когутэй руками и ногами зашевелил,
Медленно встал.
Бобрёнок вокруг Когутэя бегает,
Его расспрашивает:
— Что вы видели у Караты-Кана?
Что у него слышали?
Нашу хлеб-соль Караты-Кан
Принял или нет?
Тяжело вздохнул старик Когутэй и сказал:
— Такого грозного кана
Не видывал.
Такого народа
Не слыхивал.
Больше к нему
Никогда не поеду.
Только и помню,
Как шесть знатных зятьёв Караты-Кана
Меня взяли.
В свой старый кошемный аил
Когутэй вошел,
В аиле на бок лег.

Бобрёнок из аила вышел,
На чёрную гору со ста водопадами
По белым ложбинам
Стал подниматься,
На вершину ста водопадов залез,
С верховьев ста водопадов
Золотой ташаур принес,
Красный китайский чоочой достал,
Всё в зубах притащил.
— Отец и мать мои,—
Говорит,—вставайте,
По одному чоочою выпейте.
Отец и мать встали,
По одному чоочою выпили, говорят:

— Хоть и бобрёнок, да наш сын.
У старика со старухой
Кровь и тело разогрелись,
От вина большие пальцы и ногти разгорелись,
Разговор их стал громче и больше.
Когутэй говорит:
— Хоть и постарел я,
Но к Караты-Кану
Еще раз съездить хочу.
Пусть я умру.
Лошадь когда-нибудь
Да пропадет,
Ведь она не золотая.
Я простой человек,
Потому когда-нибудь
Да должен умереть.
Синего быка своего
Когутэй оседлал,
Золотой ташаур
К торокам привязал.
К Караты-Кану
Снова отправился.
Старуха обе полы халата
Под себя подоткнула,
Обе руки
До локтей поглаживала,
Из остатков пищи
Обед готовила.
На синем быке своём
Когутэй едет.
По степи голой,
Которую вороны не пролетают.
Вниз спускается.

Через жёлтый Алтай,
Которого сороки не перелетают,
Проехал.
Его таловые стремена трещат,
Гнилое седло у него скрипит,
У быка под брюхом
Ветхая подпруга рвется.
В руке Когутэя
Плеть посвистывает,
Синий бык бежит,
Язык на сажень высунул.
Сам старик Когутэй
Изношенную, дырявую кошемную шапчонку
Набок надел.
Так Когутэй ехал.
Караты-Кан издалека Когутэя узнал,
Своей жене канше говорит:
— На родине Когутэя
Богатырь прозорливый родился.
Теперь Когутэя
Надо в медной печи сжечь,
Кости сжечь,
Пепел в мешок собрать,
Домой обратно отправить.
Когутэй-старик к коновязному столбу подъехал,
Шесть добрых богатырей у него быка приняли.
Когутэй с золотым ташауром в руках
Дверь в канский аил открыл.
На главном месте Караты-Кан сидит,
Глаза его кровью налились,
На лоб морщины собрались,

От лица его холодом дует.
Когутэй, увидав кана, испугался,
Его круглое сердце забилось,
Его рёбра от страха заскрипели.
Когутэй к огню у входа присел.
Сам весь дрожал и качался,
Как дерево, на быструю волну попавшее.
Трубку и кисет достал,
Новости у кана расспрашивает,
Золотой ташаур с поклоном подает.
Караты-Кан с женой
По одному чоочою араки выпили,
Кровь и тела у них согрелись,
Пальцы и ногти разогрелись.
Караты-Кан старика Когутэя спрашивает:
— Зачем приехал?
Остаток пищи просить приехал?
Обношенные лишние шубы и обувь просить приехал?
Старик Когутэй кланяется,
Речь о сватовстве заводит.
Караты-Кан, услышав,
Как железный загремел,
Подобно небу загремел:
— Шесть славных богатырей, Когутэя держите,
В медную печь его втолкайте.
Когутэй испугался,
Круглое сердце его забилось.
Шесть богатырей к Когутэю подошли,
Когутэй только помнит,
Как его взяли.
Что было дальше,—не помнит.
В медную печь Когутэя бросили,

Крышкой медной в девять слоёв
Сверху прикрыли.
Кости Когутэя стали гореть.
Через трое суток
Караты-Кан
Печку открыл—посмотрел.
Кости Когутэя сгорели,
Угли да сажа остались.
Караты-Кан сказал:
— Теперь можешь встать и домой итти.
Караты-Кан засмеялся,
В чёрный мешок
Угли и сажу собрал,
Коню—синему быку
В тороки завьючил,
Через Алтай быка погнал.
Синий бык горько ревет,
Из обоих глаз слезы проливает.
Бобрёнок синего быка увидал,
Что в тороках у него,
Сразу узнал.
Матери бобрёнок говорит:
— Отец мой Когутэй возвращается,
Караты-Кан, должно быть, его принял,
Много остатков пищи и араки ему дал,
Конь его вьюк большой везет,
А сам Когутэй у Караты-Кана,
Видно, пьяный спит.
Старушка слушает бобрёнка и радуется.
— А, дитя мое, это—хорошо.
Из аила вышла.
Синий бык с рёвом подошел.
Старуха быка встречает и говорит:
— Я буду эти остатки пищи есть.

Чёрный мешок развязала,
Из мешка горелые кости старика Когутэя выпали.
Она горько заплакала и закричала.
Звуки ее голоса, которые вверх пошли,
До неба долетели.
Звуки, которые вниз пошли,
До подземного мира доходили.
— Тебя, негодяя бобрёнка, хочу умертвить.
Железку, которой дыры выжигают, взяла.
— Глаза,—говорит,—тебе хочу выколоть.
С горькими слезами шесть раз
За бобрёнком аил обежала.
Бобрёнок не дается,
Из аила выскочил, говорит:
— Мать, не бей меня,
Я отца Когутэя
Хочу оживить.
Старуха говорит:
— Дитя мое, оживи его.
Бобрёнок подошел,
Кости Когутэя собрал,
В чёрный мешок обратно сложил,
Мешок завязал,
В мешке их начал толочь.
Старуха увидала,
В десять раз сильнее, чем прежде, заплакала,
Вдвое сильнее, чем прежде, запричитала:
— Костей моего Когутэя не останется,
Не на что будет мне поглядеть.
Старуха слезы остановила.
По двум косам руками проводит,

Ногами топает,
Под ногами землю рушит,
Руками бьёт,
Кругом всё сотрясает.
— Горе моё лучше бы мне не видеть.
О Алтай мой!
О Кудай мой!
Бобрёнок вниз побежал
К синему морю о ста заливах.
Старуха останки мужа обнимает,
В мешке один пепел остался.
Сама плачет и говорит:
— Старика моего
Незадавленного задавил,
Несъеденного съел,
Друга моего дорогого
Теперь мне больше не видать.
Трое суток старуха плакала.
Через трое суток бобрёнок из синего моря вылез.
Старуха ему сказала:
— Дитя мое, ко мне подойди.
Бобрёнок не подходит, говорит:
— Ты меня бить будешь.
Старая старуха отвечает:
— Не буду бить.
Сама в сторону отошла.
Бобрёнок к мешку подскочил,
Пепел и уголь костей Когутэя
На землю высыпал,
Чёрный мешок дочиста опорожнил,
Со дна синего моря принесенной
Синей целебной водой
Прах Когутэя обливает,

Взад и вперёд через него скачет.
Из пепла кости появились,
Бобрёнок их сложил,
На кости мясо наросло,
На лице румянец загорелся,
Когутэй, как живой, лежит,
Только не дышит.
Бобрёнок говорит:
— Как мне отца моего оживить?
Нет у меня больше сил.
На глаза у него слёзы навернулись.
Поневоле заплакал.
Старая старуха к нему подошла,
Две косы свои поглаживая, говорит:
— Можешь ли ты его оживить?
Сама ходит около бобрёнка и плачет:
— Отца твоего Когутэя оживи.
Бобрёнок говорит:
— Мужа своего карауль,
Ни птиц, ни червей
До него не допускай.
Сам на чёрную гору со ста водопадами побежал,
Белую целебную воду из источника в рот набрал,
Домой обратно прибежал,
Когутэя целебной водой облил.
Когутэй встал,
Руки и ноги свои разминает и говорит:
— В страну Караты-Кана
Никому не советую ездить.
Он живого меня умертвил,
Неубитого меня убил,
Никогда больше к нему не поеду.

Никогда больше на его Алтай не въеду.
В свой войлочный старый аил входит и плачет,
У огня, разложенного из гнилых дров,
Свои старые кости лёг отогревать.
Огонь, раскладываемый бобрёнком,
Никогда не угасает.
Пища, которую он варит,
Никогда не стынет.

Бобрёнок опять
На вершину чёрной горы со ста водопадами поднялся.
Из-под корней двух богатых берёз
Два чёрных ташаура достал,
Две китайских чашечки
В зубы забрал,
Домой принес.
А старик со старухой спят.
Бобрёнок из аила старый войлочный потничок вытащил,
Когутэя прогнившее таловое седло взял,
Коня—синего быка оседлал,
Две китайских чашечки араки налил,

Между отцом и матерью их поставил,
А сам запел.
От песни его обнажённые деревья
Листьями покрывались,
Голые земли
Травой покрывались,
На деревьях цветы распустились,
Кукушки-певуньи заиграли,
Не переставая запели.
Всё повеселело кругом,
Всё стало прекраснее в сто раз.
Старик со старухой проснулись.
— Милый наш сын бобрёнок,—сказали.
Бобрёнок говорит:
— Отец мой и мать моя,
По одному чоочою араки выпейте,
Вам хорошо будет спать.
Старик со старухой по первому выпили,
Тело и кровь у них разогрелись,
Пальцы и ногти согрелись.
Бобрёнок еще по одному чоочою налил.
Старики по второму выпили.
Мысли их закружились,
Пьяными стали,
Разговоры у них начались.
Бобрёнок говорит:
— Старый отец мой, еще раз
В страну Караты-Кана съезди.
Когутэй громко засмеялся и отвечает:
— Лошадь когда-нибудь да падет,
Она не золотая.
Герой не вечен,
Я когда-нибудь да должен умереть.
Кости павшей лошади

Места по себе не выбирают.
Кости умершего человека тоже
Землю не ищут.
Если умереть придется,
Пусть умру.
Если нужно пойти,
Пусть пойду.
Бобрёнок два черных ташаура
На синего быка с двух сторон навьючил.
Как с Караты-Каном поступать,
Старику наказывает:
— Мой отец Когутэй, слушайте,
Теперь не как в первые разы поезжайте,
Теперь не по-прежнему разговоры ведите.
На вашего синего быка-коня садитесь,
Девять горстей таловых прутьев
В одну плеть завейте,
Сами так злобно-горько кричите,
И так и этак свистите,
Чтобы вас все боялись.
Синего быка таловыми прутьями в девять горстей
По обоим бокам стегайте,
Чтобы он в два раза быстрее прежнего, бежал
В десять раз быстрее прошлого бежал.
Когда к Караты-Кану приедете,
Его шесть славных зятьёв подойдут
Коня принять,
Вы им скажите:
— Довольно и того, что вы раньше
От меня коня принимали,
За мной и моим быком ухаживали.

Всех шестерых богатырей за косы возьмите,
Всех их за шесть гор перебросьте.
Когутэй-старик говорит:
— Мой сын, ты вздор мелешь.
Не под силу мне, старику, молодцов бросать.
Не такая у них кровь,
Чтобы их убить.
Не такая у них душа,
Чтобы её перерезать.
Они—герои.
Бобрёнок говорит:
— Губы сожми,
Зубы стисни.
Сильным мужем себя вообрази,
Всех их за косы
Возьми и швырни,
Чтобы они за шесть гор перелетели.
За семь морей перелетели.
Потом к дверям Караты-Кана подойди,
Быстро их раздёрни,
Медные двери против солнца открой,
Старую свою войлочную шапку
Набок гордо надень.
Араку в черном ташауре
За пазуху не прячь,
В руках держи,
У входа не садись,
Вперед проходи,
Рядом с Караты-Каном садись,
Смело ему говори:
— Будешь ли впредь со мной шутить,
Или будешь взаправду говорить?

Караты-Кан, ездящий на вороном иноходце,
Мне отвечай:
Если шутил,
То вино пей,
Если взаправду делал,
То, зубы к зубам,
Кулаки к кулакам,
Силами померяемся.
Когутэй на своего синего быка сел,
Девять горстей таловых прутьев
В одну плеть свил,
На таловые стремена опершись, поехал,
Злобно-горько закричал,
И так и этак засвистал.
От крика его и свиста
Небо и земля вздрогнули,
Все девяносто хребтов земли закачались,
Все семьдесят гор земли зашатались,
Синее море о ста заливах заволновалось,
Чёрная гора, с которой сто водопадов летят,
От подошвы до вершины встряхнулась.
Синий бык к земле прилег,
Под плетью Когутэя ревет.
От рёва его валежники рассыпались.
Синий бык на ноги вскочил—
Деревья стали ломаться.
Синий бык побежал—
Пыль от земли до неба поднялась.
Облака с неба до земли спустились,
Чёрная пыль вихрем закрутилась,
День как ночь стал.
У Караты-Кана голова затряслась,

Жилы сохнуть стали.
Круглое его сердце забилось.
Караты-Кан с женой от испуга
В ладоши забили,
Брови себе тереть начали.
—В живых нам не быть.
Смерть к нам идет.
Когутэй ожил.
К нам едет.
На родине Когутэя
Не простой человек родился.
Когутэю поневоле нам
Придется подчиниться,
Когутэй беден.
У него нет скота,
Который он пас бы.
Нет народа,
Которым он правил бы.
Поневоле нам придется согласиться
Дочь свою за его сына-бобра выдать,
Нужно только большой выкуп запросить.
Когутэй через три мерге приехал,
К золотой коновязи подъехал.
Шесть знатных зятьёв Караты-Кана
Попрежнему подошли.
Когутэй губы сжал,
Зубы стиснул,
С гордостью сказал:
— Довольно и того, что раньше
Повод у меня принимали,
На почётное место сажали.
За косы всех шестерых
Одною рукою схватил,
За шесть морей,

За шесть хребтов забросил.
К золотой коновязи синего быка привязал.
В гневе за бока свои тощие держась,
Завесу ханской юрты откинул,
Медную дверь опрокинул,
Шапку свою войлочную набекрень надел.
Два черных ташаура араки в руках держит,
В передний угол к Караты-Кану прошел,
С ним рядом сел и говорит:
— Караты-Кан, ты, негодяй,
Со мной шутил,
Или не шутил?
Если шутил,
То араку пей.
Если всерьёз замышлял
Меня уничтожить,
То, зубы к зубам,
Кулаки к кулакам,
Силами померяемся.
Караты-Кан два ташаура араки
Невольно в руки принял и сказал:
— Хоть и бобёр, но зятем моим будет,
Хоть и Когутэй, но сватом моим пусть будет.
Раньше я шутил,
Тебя испытывал.
Сват Когутэй, знаю теперь,
Что ты силен.
Караты-Кан белую кошму
В шесть рядов разостлал,
Когутэя под руки взял,
На кошму усадил.
По одному чоочою выпили.
Тела и кровь у них согрелись.

Караты-Кан говорит:
— Араки у меня хватит.
Что надо пить,
Буду пить.
Что надо есть,
Буду есть.
Ты же должен
Мне выкуп заплатить.
Семь суток они араку пили.
Караты-Кан Когутэю говорит:
— Досыта я наелся,
Допьяна напился,
Теперь невесту выкупай.
Сто ташауров полных
Араки принеси,
Сто баранов белых ровных,
Как один, пригони,
Сто шуб новых,
С воротниками одинаковыми, привези.
Сто байталов белых и молодых
С чёрными кончиками ушей мне дай,
Все в семидневный срок мне достань.
Тогда и зятя бобра привози.
Я волосы дочери моей
Темене-Ко—расчешу.
Свадьбу устроим.
Старик Когутэй говорит:
— Вскормленных табунов у меня нет,
Но с народа всё соберу.
Когутэй из аила вышел и видит:
Шесть славных зятьёв Караты-Кана
Из-за шести гор,
Из-за шести морей
Только вернулись.

Караты-Кан на своих знатных зятьев
крикнул.
Крик его как небо загремел,
Как железо зазвенел.
— Шесть ташауров араки возьмите,
Старика Когутэя
До его аила проводите.
Шесть славных богатырей
Шесть ташауров взяли,
На шесть бархатных вороных коней сели,
Когутэя провожать отправились.
Когутэев синий бык
Бежит и ревет.
Шесть славных богатырей
Догнать его не могут.
Когутэя, домой возвращающегося,
На расстоянии месячного пути
Бобрёнок увидел,
Матери говорит:
— Мать, должно быть,
Мой отец Когутэй, прежде не гибнувший,
Теперь погиб.
Не ушедший, теперь ушел.
Шесть зятьёв Караты-Кана
Наш Алтай едут разрушать,
Нас, справедливых, едут убивать.
Старуха поспешно из аила вышла,
На дорогу посмотрела—
Шесть славных зятьёв Караты-Кана едут,
С ними вместе старик её Когутэй едет.
Она бобрёнку говорит:
— Над моей старостью не смейся,
Меня не испытывай.
Шесть славных своих свояков

Бобрёнок встречает,
Отца Когутэя встречает.
Они к коновязи подъехали,
У шести славных богатырей
Бобрёнок поводья берет.
Шесть славных богатырей
Друг на друга взглянули,
Рассмеялись и сказали:
— Славный свояк у нас.
Над бобром посмеиваясь,
В старый войлочный аил вошли.
Бобрёнок им белую кошму разостлал.
Отца своего Когутэя расспрашивает:
— У Караты-Кана что видели?
Что слышали?
Старик Когутэй еле-еле говорит,
Слова изо рта еле-еле выпускает.
— Жестокий выкуп нам нужно
За невесту платить.
Откуда мы его возьмем?
Сто новых одинаковых шуб с воротниками нужны,
Сто одинаковых ташауров араки нужны.
Сто белых баранов, как один, равных ростом, нужны.
Сто белых байталов с чёрными верхушками ушей нужны.
Бобрёнок на кровать вскочил,
Шесть ташауров араки из-под подушки достал,
Шести славным своякам их подал,
Сам из аила выбежал.
На черную гору со ста водопадами
Стал подниматься.

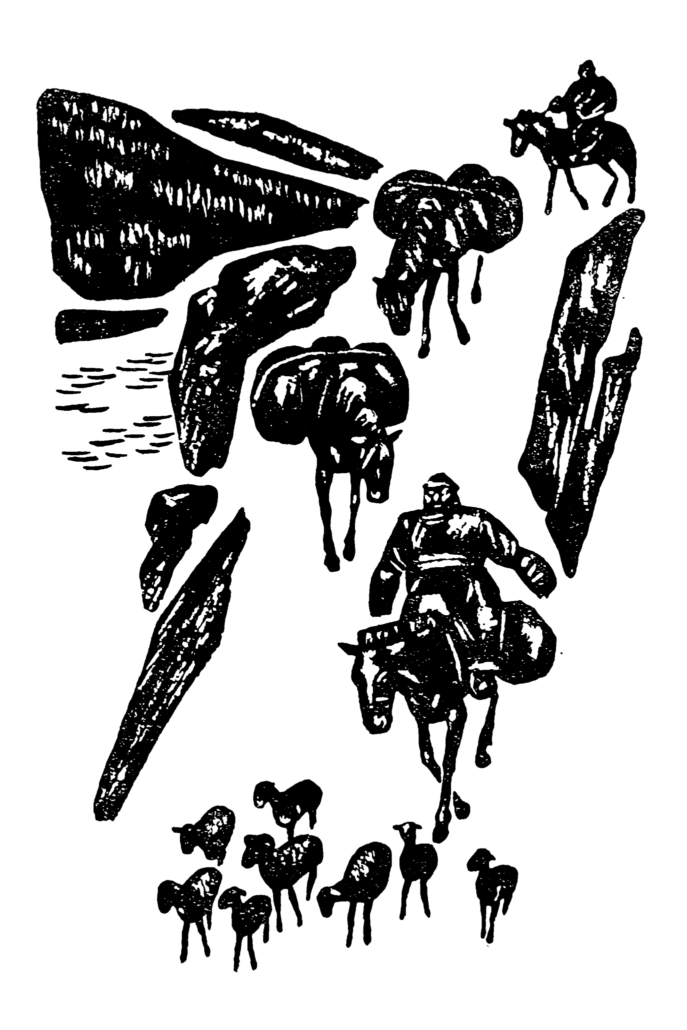
Старик со старухой,
Когда в сторону отвёртывались,
Потихоньку плакали,
На знатных ханских послов
Когда смотрели,
Посмеивались и говорили:
— Что нам делать?
Где нам такой выкуп за невесту найти?

Бобрёнок на вершине чёрной горы со ста водопадами
Из-под развесистой богатой берёзы
Сто одинаковых ташауров достал,
Сто шуб с воротниками достал,
Оттуда же сто белых баранов вышли,
Сто белых байталов выбежали,
Все они одинаковы были,
Всех он домой пригнал,
Всех к аилу Когутэя пригнал.
Красная, как десны, заря загорелась,
Солнце, встрепенувшись, поднялось.

Шесть славных зятьёв Караты-Кана говорят:
— Если выкуп за невесту нашел, давай
Кану жестокую дань вези.
— Готово,—бобрёнок сказал.
Шесть богатырей из айла вышли —
Жестокая дань за невесту готова была.
Богатыри, на выкуп смотря, удивлялись,
Головами качали.
Своего коня—синего быка
Старик Когутэй оседлал,
Сто шуб с воротниками,
Сто ташауров араки
На него навьючил.
Сто белых баранов,
Сто белых байталов
Погнал.
Бобрёнок позади Когутэя
На синего быка заскочил.
Шесть славных богатырей
На бархатных конях,
Когутэй с бобрёнком
На синем быке
В путь отправились.
Через три мерге подъехали
К стране Караты-Кана, ездящего на вороном иноходце.
Стада канские, как каргана,
Землю покрывали.
Народы его, подобно чёрным лесам,
Землю покрывали.
К ним они подъехали.
На синем быке позади Когутэя
Испуганный жених бобрёнок сидит.

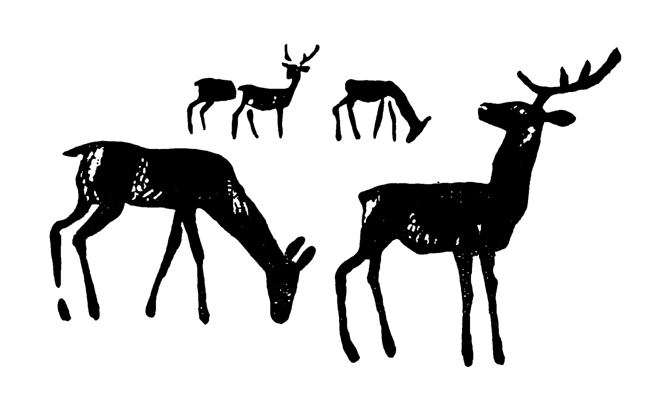

К золотому дворцу Караты-Кана подъехали.
Много народов там собралось.
Много лошадей у коновязей навязано,
Лица богатырей, как пламя, горят,
От дыхания коней туман поднимается,
Острые пики, как верхушки пихтового леса, торчат.
Сабли, как лёд, на солнце сверкают.
Лучшие кони на привязи стоят,
Лучшие богатыри у входа ждут.
Темене-Ко из отцовского дворца вышла,
К чёрному дворцу из девяти крыльев идет.
Бобрёнок ее увидел,
Со спины синего быка соскочил,
За ней поскакал.
Лучшие псы запах бобра учуяли,
За ним погнались.
Бобрёнок пустился бежать.
Семь черных псов Караты-Кана
Тут же бобрёнка догнали.
Бобрёнок в испуге кричит,
Все над бобрёнком смеются.
Шесть зятьёв Караты-Кана
Семь чёрных псов разозлённых поймали,
От бобрёнка их оттащили.
Девица Темене-Ко
Бобрёнка к себе повела.
Над ним смеющимся
Она говорит:
— Если вам он не нужен,

То мне нужен.
Хоть и бобёр,
Но мужем моим будет.
На руки бобра взяла,
К себе в аил унесла.
Когутэй, ездящий на синем быке,
Жестокий выкуп Караты-Кану доставил.
Когутэя в передний угол посадили.
Араку ташаурами пить стали,
Оба свата пьянеть понемногу стали,
Разговоры у них прибавляться начали.
Семь суток араку пили,
Когутэй спрашивает:
— Детей наших свадьбу
Где будем устраивать?
Караты-Кан отвечает:
— Детей наших свадьбу
Здесь у себя хочу устроить,
В моем Алтае хочу их поселить.
Когутэй, остатки араки
Свату своему в руки передав,
Домой отправился.
Караты-Кан свадьбу устроил.
Из телят худших убил,
Из скота опаршивевших убил.
На свадебный пир
Старых и слепых наприглашал.
Калеки, с поводырями пришедшие,
Ели и радовались.
Лучшие люди и настоящие джигиты
Над свадьбой бобра смеялись,

Домой уезжали.
Народы разъехались,
Окраинные народы разошлись.
Бобрёнок на канской дочери женился,
У тестя кана жить остался.

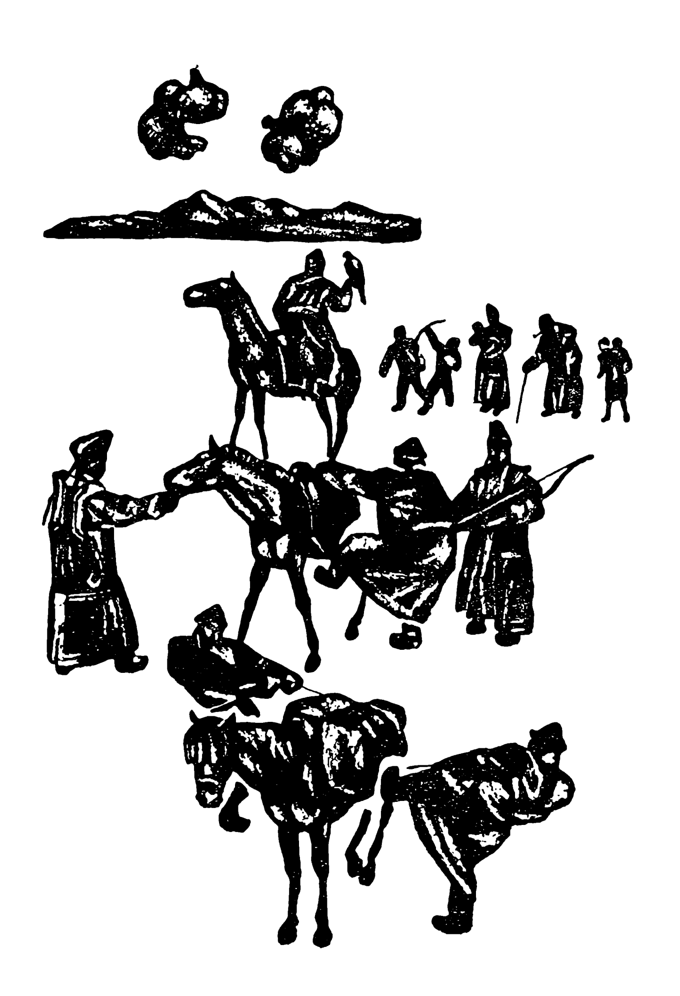

Однажды бобрёнок жене говорит:
— Темене-Ко, жена моя,
К Караты-Кану, отцу твоему, сходи,
Чем занят он, узнай.
Темене-Ко подумала:
«Хоть и бобрёнок,
А муж,
Дай-ка схожу».
К Караты-Кану, отцу своему,
Она отправилась.
В аиле отца,
Когда она вошла,
Шесть славных её сестер,
Шесть славных зятьёв

Самую лучшую пищу ели,
Самую крепую араку пили.
На Темене-Ко
Никто не посмотрел,
Никто хотя бы косо не взглянул.
Только мать спросила:
— Как живешь, моя дочь?
Хорошо ли?
Плохо ли?
Хоть ты и жена бобра,
А моя родная дочь.
Отец ее Караты-Кан сказал:
— Что ты со своим бобром
Дома не сидишь?
Зачем сюда пришла?
Темене-Ко сказала:
— Хоть и бобёр,
Да муж мой теперь.
Караты-Кан сказал:
— Шесть славных моих зятьёв
На охоту едут,
Потому мы веселимся.
А ты домой иди.
Твой муж, за которого ты вышла,
Ни на что не способен.
Со слезами Темене-Ко
Домой возвратилась.
Бобрёнок жену спрашивает:
— Почему ты плачешь?
Темене-Ко отвечает:
— Караты-Кан, отец мой,
Меня из аила своего выгнал.
Мне сказал:
«Муж, за которого ты вышла,

Ни на что не годен.
Мои шесть славных зятьёв
На охоту собираются».
С этими словами
Меня из аила прогнал.
Бобрёнок говорит:
— Если мои свояки на охоту едут,
Я вместе с ними поеду.
К Караты-Кану, отцу твоему, сходи,
Лошадь для меня у него попроси,
Пищу на дорогу попроси.
Хотя я и не умею стрелять,
Но за их лошадьми
Ухаживать смог бы.
Пищу охотникам
Варить бы стал.
Темене-Ко мужа не ослушалась,
К Караты-Кану, отцу своему, отправилась.
В аил к нему вошла и говорит:
— Ваш зять бобёр у вас лошадь просит.
Караты-Кан как небо загремел,
Как железный зазвенел.
— Мужу твоему бобру
На охоту не придется ехать.
У меня моим славным шести зятьям
Лошадей не хватает.
У меня для славных моих шести зятьёв
Пищи нехватает.
Шесть славных зятьёв Караты-Кана
Лучших коней седлали,
Лучшую пищу с собой брали.
Караты-Кан свою дочь
Темене-Ко из аила прогнал.
Жена Караты-Кана

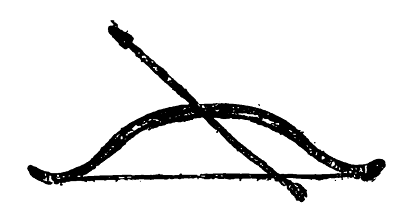
Алтын-Тана, красавица,
Мужа своего уговаривает:
— Почему одни любимы,
А другие не любимы?
Все ведь они твои дети.
Если хорошей лошади нет,
То разве и плохой нет?
Темене-Ко со слезами
Из отцовского аила вышла.
Мать её Алтын-Тана
Под полу кусок курута спрятала,
Дочери своей Темене-Ко вынесла.
Темене-Ко с плачем домой ушла.
В своем аиле мужу своему сказала:
— Вскормивший меня мой отец
Ни коня, ни пищи
Мне не дал.
Из аила своего
Меня с руганью выгнал.
Бобрёнок ей говорит:
— Темене-Ко, жена моя,
Не плачь.
Без коня и без пищи
На охоту отправлюсь,
От своих свояков не отстану.
На огонь медный котёл поставь,
Воду в нем согрей,
С добычей с охоты меня поджидай.
Бобрёнок из аила ушел,
Через семь хребтов Алтая перевалил,
Своих славных шесть свояков догнал.
С вершины чёрной горы видит:
Шесть его славных свояков
Ничего не убили.

Спины и шеи шести вороных коней
В кровь растерли,
Раны их сороки и вороны клюют.
Пища у свояков вся вышла,
Корни травы они копают,
Корнями питаются.
Бобрёнок в белую ложбину заскочил,
По-маральи закричал.
Шесть чёрных маралов вышли.
Бобрёнок всех шестерых убил.
Шесть убитых чёрных маралов с горы
К стану славных свояков скатились.
Шесть славных богатырей заспорили.
Один говорит:
— Я убил.
Другой говорит:
— Я убил.
Спорили, спорили,
Каждый по маралу взял.
Бобрёнок к шести славным своякам подошел.
— Могучие стрелки,
Вы убили шесть маралов,
Вы к вашим родителям с добычей вернетесь,
Мне, не умеющему стрелять,
С чем домой вернуться?
На мою долю марала дайте.
Так славных шесть свояков своих
Бобрёнок просил,
Долю свою у них выпрашивал.
Шесть славных свояков сказали:
— Ты тело твоего отца,
Мерзавец, покушай.

Если угодно,
На, бери.
С этими словами свояки
Бобрёнку несъедобные, ядовитые
Маральи потроха швырнули.
Бобрёнок сказал:
— Хоть и потроха,
А возьму.
Шести маралов кишки стал очищать.
Шести маралов мясо навьючив,
Шесть свояков домой отправились.
Бобрёнок вслед им плюнул:
— Мясо шести маралов
Отравой пусть будет для вас.
Потроха шести маралов,
Которые вы, как отраву,
Мне бросили,
С изюмом и сахаром по вкусу
Станут пусть равны.
Бобрёнок маральи кишки
На себя навьючил,
Домой пустился.
К своей жене Темене-Ко пришел,
О своих шести славных свояках
Её расспрашивает.
Темене-Ко говорит:
— Они про тебя спрашивали,
Домой вернулся ли.
Они шесть чёрных маралов убили.
Мясо маралье сварили,
Наверно, теперь уж наелись.
Потроха шести маралов
Темене-Ко сварила.
Бобрёнок ей говорит:

— В чашку на изюм и сахар похожие
Потроха положи,
Отцу с матерью отнеси.
На золотое блюдце Темене-Ко
Маральи потроха положила,
К отцу с матерью отнесла.
Когда она в аил вошла,
На мужской стороне
Мужчины сидели.
Слюни у них
Губы и подбородки покрывали,
Сало маралье
Щёки покрывало.
На женской стороне
Женщины сидели—
Шесть старших сестер её
И мать, вскормившая их.
Золотое блюдце Темене-Ко
Отцу с матерью поднесла.
— Потроха, на изюм и сахар похожие,
Отец мой и мать моя, попробуйте.
Караты-Кан ей говорит:
— Что нам негодные потроха, ядовитые.
Мы мясом маральим сыты.
Мать её Алтын-Тана говорит:
— Если не хочешь есть,
То почему не хочешь попробовать?
Алтын-Тана золотое блюдце взяла,
Потроха пригубила.
Сладость их изюму и сахару не уступала.
Муж и жена угощенье пополам разделили.
Караты-Кан своим шести славным зятьям говорит:
— Если ещё когда

Марала убьете,
Мяса его не берите.
Потроха изюмисто-сахарные
Только возьмите.
Темене-Кӧ домой возвратилась;
Своему мужу бобру
Всё слышанное рассказала.

Через несколько дней
Бобрёнок говорит:
— Темене-Ко, моя жена,
К Караты-Кану, отцу твоему, сходи.
Темене-Ко к отцу своему
Караты-Кану пошла.
У аила отца видит:
Шесть славных зятьев богатырей
На самых лучших конях сидят.
Вьючные мешки у них
Самой лучшей пищей набиты.
На охоту они отправлялись.
Темене-Ко коня
Для мужа своего, бобра,

У отца просит,
Чтобы и он
На охоту мог выехать.
Отец говорит:
— Нет лошади
Не только для мужа твоего, бобра,
Нет лишней лошади
Для моих знатных зятьёв.
Дочь пищу просит.
Отец отвечает:
— Нет вам пищи.
Ко мне не приставай,
Отсюда скорей убирайся.
Алтын-Тана мужу говорит:
— Кто милый,
Кто постылый,—
Все они—
Твои дети.
Темене-Ко, заплакав, вышла.
Алтын-Тана, её мать,
Подолом прикрывая,
От мужа таясь,
Пыштак и эзегей дочери вынесла,
Зятю-бобру отнести приказала.
Темене-Ко домой
Со слезами вернулась.
Бобру говорит:
— Караты-Кан, отец мой,
Коня мне не дал,
Меня прогнал.
Как без лошади
Ты на охоту поедешь?
Бобрёнок говорит:
— Не плачь.

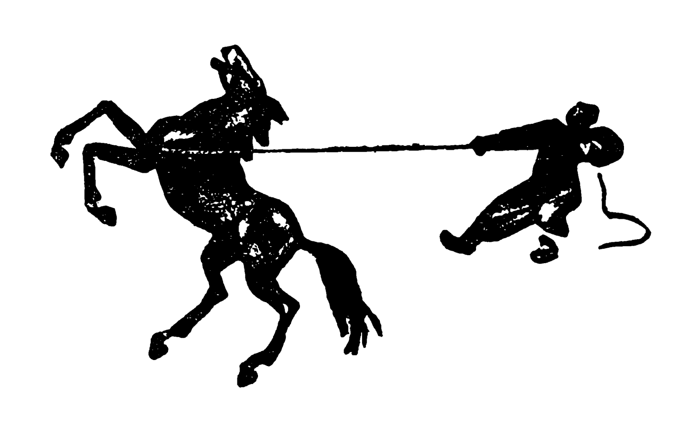
Коня нет—
Пешком схожу.
Медный котелок на огонь поставь,
Воду грей,
С добычей меня дожидайся.
Бобрёнок собрался,
За свояками, давно уехавшими,
Следом отправился.
Шесть гор перевалил,
Через шесть вод переправился.
С вершины белой горы видит:
Шесть его славных свояков
Ни одного зверя не убили,
Сами до костей похудели.
У шести вороных коней
Кости торчат,
Шеи и спины у них
В раны сбиты.
Мясо из ран
Сороки клюют.
У шести славных богатырей
Пища иссякла.
Сами они обессилели.
Что делать,
Не знают.
С голоду пучку и репей рвут,
Ими питаются.
Кровь у них в жилах иссохла.
Около самой смерти
Славные богатыри живут.
Как золото пожелтели.
Бобрёнок на всю чёрную тайгу
По-маральи закричал.
Из чёрной тайги

Шесть чёрных маралов выскочили.
Бобрёнок одной стрелой
Всех шестерых убил.
Шесть маралов
По горе скатились
К самому стану
Шести богатырей.
Шесть богатырей заспорили.
Один говорит:
— Я убил.
Другой говорит:
— Нет, я убил.
Спорили, спорили,
По маралу каждый взял.
Бобрёнок к ним подошел.
— Мои славные свояки,
Здоровы ли вы?
Шесть славных свояков
На бобра краем глаза не взглянули,
Ни одного слова не сказали.
— Славные мои свояки,
Вы хорошие стрелки,
Вы шесть маралов убили.
А я не умею стрелять.
В свой круг меня примите,
Охотничий пай мне дайте.
Пусть будто и я марала убил.
Тестю и теще домой
Маральего мяса понесу,
Жене моей Темене-Ко
Маралины принесу.
Шесть славных свояков сказали:
— Если хочешь,
Мясо маралов бери,

Мы внутренности возьмем
Со вкусом изюма и сахара.
Шесть славных свояков
Шесть чёрных маралов выпотрошили,
Внутренности на коней навьючили,
Домой поехали.
Шести маралов мясо
Бобрёнок на себя навьючил,
К своей жене пошел.
Домой пришел—
В медном котле вода кипит.
В котел мясо шести маралов спустил.
Муж и жена мясо сварили,
Досыта, доотвала наелись.
Бобрёнок жене говорит:
— Отцу с матерью
Маральего мяса унеси,
Их угости.
Темене-Ко маралье мясо
На золотое блюдо положила,
К отцу с матерью отправилась.
В отцовский аил вошла, сказала:
— Вашим зятем бобром
Мясо добытое попробуйте.
Караты-Кан говорит:
— Нам не до мяса, бобром добытого,
Мы сладкие внутренности,
Нашими славными зятьями принесенные,
За один раз
Съесть не сможем.
Горькое мясо маралов
Нам не нужно.
Обратно свое дрянное мясо неси,
Из моего аила убирайся.

ать Алтын-Тана говорит:
— Можешь не есть,
Но отчего не попробовать?
Сама немного взяла,—
Мясо маралье было,
Как изюм и сахар, вкусно.
Алтын-Тана мужа угостила.
Караты-Кан жадно есть стал.
У Алтын-Таны из рук вырывать стал.
Темене-Ко домой вернулась,
С мужем бобром
Остатки мяса доела.

Однажды бобрёнок жене говорит:
— Темене-Ко, жена моя,
К Караты-Кану, отцу твоему, сходи,
Чем заняты мои шесть славных свояков, узнай.
Темене-Ко отправилась.
Шесть славных зятьёв
С отцом, ее вскормившим,
Хороших коней ловили,
Хорошую пищу навьючивали.
Разговор Караты-Кана с зятьями
Темене-Ко подслушала.
Караты-Кан своим зятьям говорил:
— Кобылицу чубаро-пегую,

Девять лет не жеребившуюся,
Должны вы поймать.
Тому, кто её поймает и приведет,
Половину своего скота отделю,
Половину своего имущества отдам.
Темене-Ко домой вернулась,
Мужу сказала:
— Хоть ты и бобёр, да муж мне,
С тобой хочу поговорить.
Меня будешь ли слушать?
Бобёр ответил:
— Тебя послушаю.
Темене-Ко говорит:
— Мой отец Караты-Кан
Своим славным шести зятьям
Лучших коней дал,
Лучшую пищу для них приготовил.
Он их послал
Не приносившую девять лет плода,
Чубаро-пегую кобылу ловить.
Поймавшему эту кобылицу
Караты-Кан обещает
Половину скота своего отделить,
Половину имущества отдать.
Бобёр жене своей говорит:
— К отцу твоему сходи,
Мне коня попроси.
Со своими славными свояками
Хочу поехать.
Коней им хоть подавать буду.
В пути им товарищем буду.
Темене-Ко к отцу пошла,
Отцу своему говорит:
— Зять ваш бобёр

Коня у вас просит.
Караты-Кан сказал:
— Шести моим славным зятьям,
За чубаро-пегой кобылицей уехавшим,
У меня коней не хватает.
Зятю бобру
Лошади дать не могу.
Алтын-Тана мужу сказала:
— Хороших коней
Если нет,
То беззубых и старых
Разве не стало?
У тебя дети
Одни милые,
Другие постылые.
Ведь все они твои.
Темене-Ко сказала:
— Коня не дадите—
Муж пешком уйдет.
На дорогу ему
Хоть пищу дайте.
Караты-Кан свою дочь Темене-Ко
Из аила вон выгнал.
У Темене-Ко слезы из глаз
Целым озером полились.
Из носу, как из ледяной горы,
Холодные реки вытекли.
Рыдая домой она возвратилась.
Бобёр ее спрашивает:
— Что ты плачешь?
Темене-Ко говорит:
— Мой отец и мать
Коня мне не дали,
Пищи мне не дали,

Меня прогнали.
Бобрёнок говорит:
— Не плачь,
Не горюй.
Я пешком уйду,
Без пищи пойду.
Из своего аила бобрёнок вышел,
За своими славными свояками
Следом отправился.
Семь гор перевалил,
Семь морей переплыл,
Шесть славных свояков своих увидел.
Чубаро-пегую кобылицу
Они не догнали.
У шести славных свояков
Кони пристали,
Копыта у них ослабели,
Пища у свояков истощилась.
У коней спины сбиты,
В ранах черви шевелятся.
В степи, где вороны не летают,
В конце болотистого лога
Они стан свой раскинули,
Около самой смерти живут,
Корни трав копают.
На след давно ушедшей чубаро-пегой кобылицы
Бобрёнок напал.
По следу за ней погнался,
Алтай шесть раз обежал,
Землю семь раз обошел.
Семи суток не прошло
Бобёр кобылицу нагнал и поймал,
В повод ее взял,

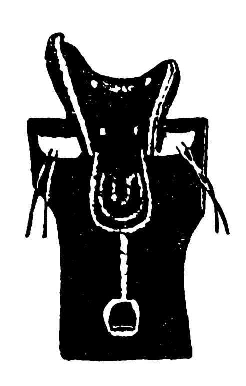
Домой отправился.
К стану шести славных свояков пришел.
Шесть славных свояков закричали:
— Ты огонь наших глаз,
Дорогой наш младший свояк.
Будем говорить,
Что все вместе
Мы кобылицу поймали.
За это от нас
Всё, что хочешь, бери.
Бобрёнок им отвечает.
— Ни скота, ни добра никакого
От вас мне не надо.
Дайте мне только
С ваших рук
По мизинцу.
Шесть славных свояков посоветовались,
От каждой руки по мизинцу отрезали,
Бобру отдали.
Шесть славных богатырей
На своих коней сели,
Чёрно-пегую кобылицу
Домой повели.
Бобрёнок за ними
Следом пошел,
Мизинцы своих свояков
Домой повёз.
Шесть славных богатырей
К канским аилам вернулись.
Караты-Кан на чубаро-пегую кобылицу
Смотрит и радуется.
— Дорогие мои
Шесть славных зятьёв.
Лучшей чёрной аракой

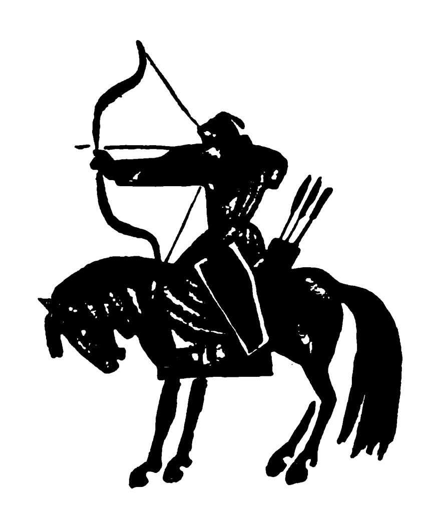
Их поит,
Лучшей пищей
Их угощает.
Им говорит:
— Вы чубаро-пегую кобылицу
Поймали и привели.
Теперь пропавших у меня
Семь чубарых жеребят найдите.
Царь-птица Кан-Кереде
Их похитила.
Шесть славных моих зятьёв,
Жеребят мне приведите.
Шесть славных свояков говорят:
— Если мы их не приведем,
То кто кроме нас приведет?
Если мы не поймаем,
Кто поймает?
За чубарыми жеребятами
Собираться стали.
К птице Кан-Кереде
Ехать решили.
Лучших коней
Ловить стали.
На коней лучшую пищу
Вьючить стали.
Шесть славных зятьёв
На коней сели,
В дорогу отправились.
Бобрёнок, об отъезде свояков узнав,
Своей жене Темене-Ко говорит:
— К отцу твоему сходи,
Лошадь для меня попроси,
Я за свояками вслед поеду.
Темене-Ко к Караты-Кану пришла,

Коня у него просит.
Караты-Кан отвечает:
— К птице Кан-Кереде,
В глубине неба живущей,
Мои шесть славных зятьёв отправились
За моими девятью чубарыми жеребятами,
Царь-птицей похищенными.
Царь-птицу Кан-Кереде убить
Они отправились.
Потому у меня
Теперь для дома
Лошадей не хватает.
Пока мои зятья
С птицей Кан-Кереде
Не покончат,
Пока они домой
Не вернутся,
Лошади бобру не будет.
Алтын-Тана говорит:
— Если добрых лошадей нет,
Почему плохую нельзя дать?
Почему ты шесть зятьёв
К себе приближаешь,
Всем жалуешь,
А зятя-бобра ненавидишь?
Все ведь дочери твои,
Все зятья, значит,
Должны быть равны.
Караты-Кан, жену свою
Слушая, ей говорит:
— За шестью горами,
За шестью морями
Бархатно-вороной жеребец живет.
Пусть бобёр его поймает

Да на нем и скачет.
Темене-Ко домой пришла,
Что у отца слышала,
То мужу рассказала.
— К птице Кан-Кереде
За пропавшими семью жеребятами
Шесть славных твоих свояков уехали.
Мой отец мне сказал,
Что за шестью горами,
За шестью морями
Бархатно-вороной жеребец ходит,
Қараты-Кан тебе советует
Жеребца того поймать,
На нем ездить.
Темене-Ко бобра предупреждает:
— Мой муж, не вздумай
Бархатно-вороного жеребца ловить.
Не вороной жеребец он,
Тёмная злая сила земель и вод он.
Не мало таких, как ты,
Дерзких смельчаков,
Ловить его пытавшихся,
Он погубил.
Бобрёнок жену выслушал,
Небывало возмутился.
Он так ловко прыгнул,
Так сильно встряхнулся,
Что шкура бобра
С него свалилась.
Могучим богатырем
Бобёр сделался.
Шкуру свою бобровую
Он берет.
Жене своей Темене-Ко

Её отдаёт и наказывает:
— Мою шкуру спрячь,
Моего возвращения жди.
Никому ее не показывай.
Если твои старшие сестры
Любопытствовать будут,
Тебя уговаривать начнут
Шкуру мою показать,—
На уговоры их не склоняйся,
Им наотрез откажи.
Темене-Ко шкуру бобровую взяла,
В золотой ящик со ста замками заперла.

Бобёр из аила вышел,
Неизвестно куда ушел.
Он шесть гор перевалил,
Шесть морей переплыл,
За бархатно-вороным жеребцом погнался.
Годовое расстояние,
Его от жеребца отделявшее,
В одно мгновение пробежал.
На месячном расстоянии
Топот жеребца услышал.
От его топота
Земная пыль к небу поднималась,
Облака с неба на землю спускались,
Черные туманы закипали,

От толстой пыли свет померк.
Копытами он горы швыряет,
Моря колыхает.
Открытые глаза
Не успеешь закрыть,
Поднятую руку
Не успеешь опустить,
Как бобрёнок
Бархатно-вороного жеребца уж догнал.
У бархатно-вороного жеребца
Из-под чёрных копыт
Пламя летит.
Из носа
Горючий туман пышет.
Его четыре клыка оскаленных
Кровью налились.
Из глаз у него
Огонь искрами рассыпается.
Он навстречу бобрёнку мчится,
Затоптать его хочет.
Бобрёнок увернулся.
Бархатный жеребец мимо пролетел.
Бархатно-вороного жеребца
Бобрёнок за широкую гриву схватил,
На крутую спину к нему вскочил.
Бархатный жеребец рассвирепел,
На дыбы поднялся,
Как жеребёнок завизжал,
Как дикий зверь зарычал.
Копытами забил—
Деревья с корнями полетели,
Камни со своих мест покатились,
Небесные звёзды замигали,
Земная пыль к небу поднялась,

Небесные облака на землю упали.
Бобрёнок с коня свалился.
Бархатно-вороной жеребец на восход солнца поскакал,
Бобрёнок снова за ним погнался.
Бархатный жеребец из глаз у него скрылся.
Только от топота жеребца
За шестьюдесятью морями,
За шестьюдесятью горами
Густая пыль вскипела,
Чёрным туманом свет затянулся.
Бобрёнок не успел
Рукой пошевелить,
Не успел
Глазом моргнуть,
Как навстречу к нему
Другой чёрно-бархатный жеребец выбежал.
Седло на нем богатырское заседлано,
В тороках одежда и доспехи богатырские завьючены—
Кольчуги сложные,
Стрелы богатые сосновые.
Жеребец стрелой летит,
С горьким визгом кричит:
— Бобёр-богатырь,
За конём убежавшим
Не гонись!
Не конь он,
Злая сила земель и вод он!
Тебя он погубит!
Я—твой конь,
Я—богатырский конь,

На мне ты ездить должен!
Меня зовут—
Бархатный вороной конь!
Бобрёнок одним махом
На коня садится,
Богатырские поводья крепко схватил.
Бобрёнок с конём
Друг другу обещание дали—
Неразлучными друзьями быть,
Вместе жить,
Вместе умереть.
Бархатно-вороной конь говорит:
— Мой хозяин, на плетьевой стороне
В моем арчимаке
Письмо есть.
Его достань,
В нём написанное прочитай.
Богатырь письмо достает,
В письме читает:
— Ты, богатырь, на третьем небе
Тремя Курбустанами назван
Ездящим на бархатном вороном коне.
Твоя красная кровь
Никогда не прольётся.
Ты никогда не умрёшь.
Всех семьдесят мудрых хитрецов
Ты победишь.
Шестидесяти алтайских мудрых хитрецов
Ты сильнее.
Имеющие губы не посмеют
Словами тебе противиться.
Имеющие челюсти не посмеют
Тебя ругать.

Имеющие большой палец не смогут
Тебя победить.
Носящие воротники не решатся
Тебя за ворот взять.
Твои плечи никогда и никем не будут
К земле придавлены.
Ничья сабля сзади тебя не коснется,
Спереди—не рассечет.
Пусть слава твоего коня
За пределы Алтая перейдет,
Пусть твоя слава героя
Всю землю покроет.
Имя тебе будет:
Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатном вороном коне.
Твой отец—
Чёрная гора со ста водопадами.
Твоя мать—
Синее море со ста заливами.
Так было дано ему имя.
Так прогремела слава его коня.
Бархатно-вороной конь стоит,
Кускун-Кара-Матыр
В богатырские доспехи одевается,
Могучие штаны натягивает,
Крепким узлом их затягивает.
Белые куртки одну за другой надевает,
Обувь железную с подошвами в девять слоев надевает.
Кольчугу в девяносто слоев надевает,
На сто пуговиц застёгивается.
Ворот горностаевый застёгивает,
За который в битве
Другой богатырь будет держаться.

Ворот соболиный застёгивает,
За который в борьбе
Другой богатырь будет браться.
Как свет месяца светлым
Золотым поясом шесть раз опоясывается.
Как алмаз блестящие и крепкие
Стальные сабли на луку седла кладет.
Девятигранную чёрную пику
В одну руку взял.
Девятигранную черную плеть
В другой руке крепко держит.
Железный лук со ста затворами
На себя надел.
Стрелы в шестьдесят рядов
В один колчан сложил.
Славные стрелы в семьдесят рядов
В колчан сложил.
Стрелы за его спиной,
Как чёрная тайга, торчали.
На голову он одел
Черную бобровую шапку
С семьюдесятью лентами.
Ноги в стремена вдел,
На три стороны покачиваясь поехал.
Звон его чёрного панцыря,
Как раскаты камней в корумах, раздаётся,
Как громыханье грозы, слышится.
От топота его коня
Алтай, встрепенувшись, зашатался.
Кускун-Кара-Матыр
Своих славных свояков, ранее уехавших,
По стёртым следам
Догонять поехал.
Уши бархатно-вороного коня

Синие облака бороздят.
Чёлка его
На сорок две стороны развевается.
Грива его
На сорок восемь сторон развевается.
Шаг у него,
Как болотная зыбь, мягок.
Спина у него
Не тряхнется.
Летит он
Словно иноходью.
Из глаз у него
Огонь сыплется.
Из-под копыт его
Искры взмётываются.
Когда на твёрдый камень
Он ступит,—
Пламя полыхает.
Когда на сухую землю
Ноги поставит,—
В следах чёрные озера закипают.
У Кускун-Кара-Матыра глаза,
Как море, сияют.
Доспехи у него,
Как синие облака, зыблются.
Множество стрел его,
Как чёрный лес,
Свет месяца и солнца застят.
Пика его девятигранная
Дно неба рассекает.
Ездящий на бархатно-вороном коне
Кускун-Кара-Матыр
На вершину чёрной большой горы поднимается.

В три конских прыжка
На неё заскакивает.
Сильными глазами
Кругом смотрит.
Взор его
Сквозь землю, воду и небо проникает.
Мысли его
Всю землю, воду и небо охватывают.
С девятисаженным черенком
Трубку свою
Он достает.
Кресалом огонь высекает,
Крепкий табак курит,
Солнце и луну
Синим дымом закрывает.
Так он на коне стоит,
Кругом осматривается.

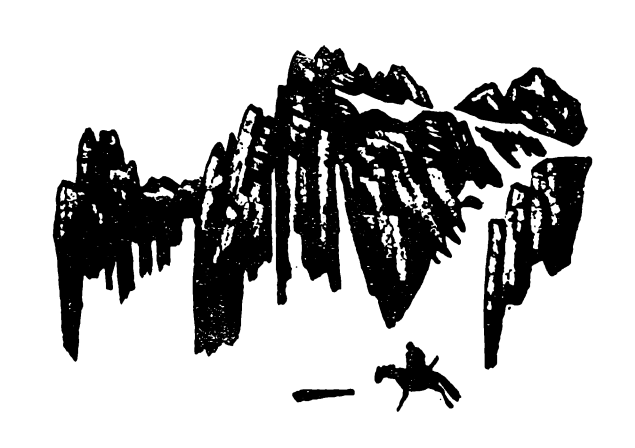
За хребтом Алтая,
Около шестидесятигранной белой горы,
В стане, из сена сделанном,
Шесть его славных свояков сидят.
Кони у них измучены,
Сами они без пищи,
От голода чуть живы.
Кандык и сарану копают,
Ими питаются.
Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатно-вороном коне,
К славным своим своякам подъехал,
У стана из сена остановился,
Оголодавших богатырей осматривает.
Свояки, увидев его, испугались,

Круглые сердца у них забились,
Грудные клетки заныли,
Перед ними богатырь стоит.
Его плечи как две горы
Им показались.
Его глаза как два больших озера
Им представились.
Со своего бархатного коня
Кускун-Кара-Матыр слезает.
Шесть славных свояков
Повод у него принимают.
Коня к коновязи привязывают,
Свои золотом шитые шапки снимают,
Подмышки их прячут,
Кланяются и спрашивают:
— Откуда едете, богатырь?
Куда путь держите?
Как вас зовут?
Кускун-Кара-Матыр отвечает:
— Моя страна на востоке,
В том месте,
Где земля с небом сходится.
Мой отец—
Крутая, скалистая чёрная гора.
Моя мать—
Глубина бушующего чёрного моря.
Моё имя—
Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатном вороном коне.
На этих горах
С шестьюдесятью отрогами
Я приехал поохотиться.
Кускун-Кара-Матыр свояков спрашивает:

— Как ваши имена?
Какого вы рода?
Из каких улусов приехали?
Куда путь держите?
Шесть славных свояков отвечают:
— Мы—зятья Караты-Кана,
Ездящего на вороном иноходце.
В небесные страны
Мы путь держим.
В земли царь-птицы Кан-Кереде
Все мы направляемся.
Кан-Кереде семь чубарых жеребят
У нашего тестя похитила.
Мы выручать их должны,
Нашему тестю доставить должны.
Кускун-Кара-Матыр говорит:
— Печально.
Птица эта и у меня
Семь жеребят похитила.
Славных шесть богатырей просят
Кускун-Кара-Матыра
К птице Кан-Кереде
Вместе поехать.
Кускун-Кара-Матыр отвечает:
— Коли пойдёшь,
Почему не дойдёшь?
Коли поедешь,
Почему не доедешь?
Можно и вместе,
Я согласен.
Только вам
До царь-птицы не добраться.
Шесть богатырей снова просят:
— Нас не оставьте,

С собой возьмите.
Кускун-Кара-Матыр говорит:
— Вам до неё не дойти.
Семь неведомых стран
Нужно проехать.
Через основание неба
Нужно проникнуть.
Железную челюсть неба,
Ударив, нужно открыть.
Лучше я один поеду.
Вы меня здесь дожидайтесь,
Я вашу просьбу исполню.
За это вы на своих ногах
Большие пальцы отрежьте,
Мне их отдайте.
Ваших семь чубарых жеребят
Я тогда приведу.
Шесть свояков на ногах у себя
Большие пальцы отрезают,
Кускун-Кара-Матыру
Их отдают.
Кускун-Кара-Матыр
Пальцы свояков забрал,
В карман положил.
Шести своякам своим велел
Зверей на него загонять,
На белую гору с шестьюдесятью отрогами
Свояков кричать послал.
Шесть славных богатырей
На гору залезли,
На Кускун-Кара-Матыра
Зверей погнали.
От крика и шума маралы
Теплые лёжки свои покинули,

В долины побежали.
Кускун-Кара-Матыр одной стрелой
Шестьдесят маралов тут же убил.
Шкуры с них снял,
Мясо своякам отдал.
Из шкур маральих
Большой аил сделал.
Семь дзеренух поймал,
Своякам сказал:
— Доите,
Молоком питайтесь.
Семь сохатих поймал,
Своякам отдавая, сказал:
— Доите.
Эзегей и пыштак делайте,
Питайтесь.
Через семь лет я вернусь,
Семь лет меня ждите.
Мои славные свояки,
Вы меня, наверно, теперь узнали?
Мой отец—
Чёрная гора со ста водопадами.
Моя мать—
Синее море о ста заливах.
Я—Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатном вороном коне.
Я ваш младший свояк—бобёр.
Оставайтесь,
Меня ждите,
Счастливой дороги
Мне пожелайте.

Кускун-Кара-Матыр
На восход солнца уехал.
Через моря волнистые
Он переправляется,
Через горы буранистые
Он переваливает.
Через жёлтые степи,
Которых орлы не перелетают,
Словно вихрь проносится.
Через пустыни,
Куда сороки не залетают,
Он несётся, как порыв ветра.
Путь его,
Как шёлковая нитка, тянется.

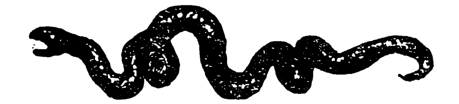
Следы коня его,
Как бисер, остаются.
Он едет быстрее птицы летящей,
Сильнее стрелы пущенной.
Путь его
Тоньше волоса тянется.
Ветер за ним,
Как в дудку, свистит.
Под богатырём
Золотые и серебряные горы зашатались,
Белые целебные моря заплескались.
Глаза у него—
Как две утренних звезды.
Стальные брони—
Как бесчисленные небесные светила.
На него смотреть,
Как он едет,—
Не насмотришься,
Любовь и жалость появляются.
Так едет милый
Кускун-Кара-Матыр.
Ни лето, ни зима
Его не держат.
Лето придёт—
Он по своим плечам горячим узнает.
Зима придёт—
Он по своему заснеженному вороту узнает.
На его ладонях
Солнце и месяц играют.
На его белом лбу
Утренняя заря алеет.
Позади него

Тёмная ночь остаётся.
Семьдесят горных хребтов
Красной пылью покрываются.
Над землёй
Чёрные туманы закипают.
Тридцать канов всей земли
Его испугались.
Круглые сердца у них
Затрепетали.
Рёбра и грудные клетки у них
От страха заныли.
Семь хитрецов всей земли
От испуга затряслись.
Так на бархатно-вороном коне
Ехал Кускун-Кара-Матыр.
Он в жёлтое зарево неба
Врезался.
Он между дёсен неба и земли
Проскочил.
Вовнутрь трёх небесных земель
Поскакал.
Он в самые высокие страны
Заехал.
Позади него—основание неба
Как красное нёбо
Осталось.
Он по самым высоким землям
Едет и смотрит:
На Алтае там—
Вечное лето,
Зимы никогда не бывает.
Белые цветы
Всюду растут.
Синие цветы

Везде рассыпаны.
Алтай там
Всегда вереском благоухает.
По его ясному горизонту
Белые горы растянулись,
Белые моря с целебными водами сверкают.
Кускун-Кара-Матыр дальше
На восток едет.
Бархатно-вороной конь его
Вдруг остановился.
Ни передними, ни задними ногами
Не шевелит.
Правое ухо он
К земле, к мягким мхам приложил.
Левым ухом
По синему небу повел.
Прислушиваться стал.
Кускун-Кара-Матыр
С коня слезает и говорит:
— Бархатно-вороной конь мой,
Если оглянусь,
Ты—моя тень.
Если рукой поведу,
Ты—мое ухо.
Если умирать буду,—
Умру вместе с тобой.
Если жить,—
Только вместе с тобой.
В ночной езде
Ты—мой слуга,
В дневной езде
Ты—мое крыло.
Что ты почуял?

К чему ты прислушиваешься?
Не смерть ли мою почуял?
Или долгую жизнь мне видишь?
Отвечай.
Конь отвечает:
— Не о смерти твоей узнал,
Не о долгой жизни твоей услышал.
Подмышкой у серебряной горы,
На берегу синего моря,
Которое течет,
Семь раз извиваясь,
На верхушке серебряного тополя
В семь обхватов толщины
Птица Кан-Кереде
Гнездо своё свила.
В том гнезде
Два птенца сидят.
Семиглавая лютая змея
Каждый год
У Кан-Кереде
Птенцов поедает.
Вот, что я узнал,
Вот, что я услышал.
Если всё это—правда,
То мы добьемся того,
Что ищем.
Если я ошибся,
То, значит, нам
Здесь суждено умереть,
Тут кости свои суждено сложить.
Кускун-Кара-Матыр
Дальше поехал.
Издалека увидел,
За морями разглядел

Серебряную гору.
У подножия серебряной горы,
Семь раз извиваясь,
Синее море течет.

Кускун-Кара-Матыр
К морю подъехал,
С коня слез.
Бархатно-вороного друга своего
Он так и этак встряхнул,
В камешек от огнива
Его превратил,
В кисет положил.
По берегу синего моря пошел,
Сам нетерпеньем томится—
Скорее через море переправиться,
К гнезду птицы Кан-Кереде попасть.
Долго по берегу моря ходил,
Переправы не нашел.

К шуму в гнезде,
Из-за моря слышимому,
Кускун-Кара-Матыр прислушивается.
Один птенец
Горько плачет,
Другой птенец
Громко смеётся.
Первый, рыдая, говорит:
— Семиглавая лютая змея
Меня сегодня съест.
Второй, смеясь, говорит:
— Я сегодня день проживу,
Меня только завтра змея есть будет.
Кан-Кереде убить пришедший,
Кускун-Кара-Матыр
Над птенцами её сжалился.
Гнев свой на царь-птицу забыл,
Не вспомнил, что сам
Ехал её побить,
Чубарых жеребят, ею похищенных,
У неё отнять собирался.
Свой железный лук о ста затворах
Он взял.
Стрелу смертоносную о семи остриях
На тетиву положил,
К земле прилёг,
Змею семиглавую стал поджидать.
Вечерняя красная заря запылала,
Синее море закачалось,
Из глубины синего моря
Семиглавая змея вышла,
К серебряному тополю
В семь обхватов подползла,
Вокруг дерева

Семь раз обвилась,
К гнезду начала подниматься.
Кускун-Кара-Матыр
Стрелу пустил.
Стрела все семь голов
У змеи отсекла.
Змея с тополя вниз скатилась.
Птенцы Кан-Кереде встрепенулись,
От радости с гнезда вспорхнули,
Золотыми крыльями за солнце и месяц задели.
— Погибшие, мы спасены.
Погибших, нас ты оживил,
Угасших, нас ты вновь зажёг.
Откуда, молодец, ты пришел?—
Кускун-Кара-Матыра спросили.
Кускун-Кара-Матыра
Через море к себе
Они приглашают.
Младший птенец
Крыло свое через море протянул,
Немного до берега не достал.
Старший птенец
Через синее море
Крыльями взмахнул,
Кускун-Кара-Матыр
Через синее море
По птичьему крылу переправился.
К царице-птице Кан-Кереде
На гнездо вошел.
Птенцы расспрашивать стали:
Как его зовут?
Откуда он родом?
Куда путь держит?

Кускун-Кара-Матыр отвечает:
— Чёрная гора со ста водопадами—
Мой отец.
Синее море со ста заливами—
Моя мать.
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр—
Моё имя.
А где ваши отец и мать?
Птенцы говорят:
— Есть на свете страна—
Алтай с золотыми хребтами,
Они туда улетели.
Тому краю послужить отправились.
— Когда они вернутся?
— Если сегодня не вернутся,
Утром должны прилететь.
— Как вы о прилёте
Вашей матери узнаете?
— Когда наша мать летит,
Частый, громкий дождик льёт.
Это наших родителей слёзы.
Когда наша мать крыльями взмашет,
Ветры вихревые подуют.
Мать вернётся—
Тебя, чужого на гнезде,
В злобе проглотит.
Богатырём не сиди,
Как сидишь,
В ребёнка маленького обратись,
Под крылья к нам спрячься.
Кускун-Кара-Матыр
В ребёнка с голень человека обратился,
Между птенцов сел.

Птенцы его пушистыми крыльями при-
крыли.
Вихревые ветры подули,
Частый дождик застучал.
Птенцы говорят:
— Наши мать с отцом летят.
В глубине неба,
Как серые пташки,
Они показались.
Не прошло времени,
Чтобы протянутую руку опустить,
Открытые глаза закрыть,
Как птицы Кан-Кереде
Над своим гнездом закружились.
Большие их крылья
На солнечном свете засверкали,
Свет месяца заслонили.
В одной ноге они семьдесят маралов
несли,
В другой у них шестьдесят маралов
нацеплено.
Под серебряным тополем
Семиглавую змею убитую увидали.
От радости когти разжали,
Маралов в море уронили.
Сами кверху
В синеву неба взвились,
Совсем их видно не стало.
Сверху, как стрелы,
Вниз на землю упали.
Серую змею,
Словно семь стогов сена лежащую,
Семь раз глотали,
Семь раз выплёвывали.

— Кто нашего вечного
Злого врага уничтожил?
Какой молодец его убил?
Птицы спросили.
Птенцы ответили:
— Мать и отец, успокойтесь,
Вы сейчас слишком сердиты,
Вы сейчас разгорячены.
Богатыря, семиглавую змею убившего,
Можете сгоряча проглотить.
Пока не успокоитесь,
Его вам не покажем.
На золотую гору летите,
На самую вершину садитесь,
Рты ваши на луну и на солнце раскройте,
Солнцем горячим их очистите,
Тогда мы всё скажем.
Того, кто змею убил,
Вам покажем.
Кан-Кереде к золотой горе полетели,
На самую вершину сели.
Против луны и солнца
Клювы свои раскрыли.
Потом птенцы им сказали:
— Мать и отец, теперь
Под серебряным тополем
Кол железный воткните,
Чтобы он
Сквозь землю и воду прошел,
На свои ноги
Железные цепи наденьте,
К железному колу
Себя прикуйте.

Клювы себе
Железными кольцами зажмите.
Кан-Кереде
Под серебряным тополем
Железный кол вбили.
Железный кол
Сквозь землю и воду прошел.
Птицы железные цепи
На свои ноги надели,
К железному колу
Себя приковали.
Клювы свои
Железными кольцами защемили.
Только тогда
Птенцы им сказали:
— Богатырь, семиглавую змею убивший,
Родом из нижних земель.
Его отец—
Чёрная гора со ста водопадами.
Его мать—
Синее море со ста заливами.
Его зовут—
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр.
Птенцов своих слушая,
Птицы Кан-Кереде обрадовались,
От радости рванулись,
Железные путы в девять рядов
С ног сорвали.
Железные кольца
С клювов сбросили.
Кускун-Кара-Матыр встряхнулся,
Снова настоящим богатырем стал.
Кан-Кереде в сторону отлетели,

Ему говорят:
— Из года в год семиглавая лютая змея
Наших птенцов поедала,
Из года в год в наше отсутствие
Из глубины синего моря
Она выходила.
Теперь мы счастливы,
Тебя благодарим.
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр,
Друзьями золотыми
С тобой будем.
Умирать будем—
Свои кости
Вместе с твоими положим.
Умерших, нас
Ты оживил.
Потухших, нас
Ты зажёг.
Царь-птица Кан-Кереде
И Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Золотыми друзьями сделались.
Клятвенными друзьями быть
Друг другу слово дали.
Кускун-Кара-Матыр говорит:
— На всю землю прославленные
Цари-птицы Кан-Кереде,
Вы тестя моего Караты-Кана
Семь чубарых жеребят взяли.
Я прибыл сюда
Об их участи узнать.
Живы они

Или мертвы,
Мне расскажите.
Кан-Кереде говорят:
— Жеребят мы взяли,
В золотых хребтах Алтая
Пастись их пустили,
Чтобы себе облегченье найти.
Мы угадывали,
Что через них
Нам избавленье придет
От семиглавой лютой змеи,
Наших птенцов похитительницы.
На белые хребты Алтая
Кан-Кереде слетали,
С белых хребтов Алтая
Семь чубарых жеребят привели.
Кускун-Кара-Матыр
Жеребят переловил,
Каждого над землей потряс,
Жеребята уменьшились.
В свой правый карман
Всех их он положил.
Цари-птицы Кан-Кереде
Из крыльев своих
По одному перу вынимают
Кускун-Кара Матыру дают,
— Наши перья возьми,
По ним ты знать будешь,
Живы мы
Или погибли.
Если погибнем,—
Перья осыплются
Пух на них исчезнет.
Если живы будем,—

Перья наши
Серебром станут сверкать.
Кускун-Кара-Матыр из колчана
Железную стрелу достал,
Царям-птицам ее отдал.
— Если жив буду,—
Стрела бронзой блестеть будет.
Если умру,—
Стрела жёлтой ржавчиной покроется.
Так обо мне узнавайте.
Кускун-Кара-Матыр
Царям-птицам Кан-Кереде
Счастья пожелал,
Домой отправился.

Шесть добрых свояков
С чёрными желаниями
Кускун-Кара-Матыра ждали.
Они сговорились
Его убить.
Яму в семьдесят саженей
В земле выкопали.
На дне её укрепили
Кровавую пику и стрелы.
Над страшной ямой
Белый хороший аил поставили.

Кускун-Кара-Матыра
С добычей от Кан-Кереде
Встретить ловушкой готовились.
С канскими почестями решили
В белый аил его ввести,
Над ямой посадить,
В яму чтобы он свалился,
На кровавую пику и стрелы наколся.
Кускун-Кара-Матыр
Из страны Кан-Кереде возвращается.
Его конь летит
В глубине синего неба.
От копыт коня,
Когда они твердой земли коснутся,
Синие огни взмётываются,
Камни сгорают,
В пепел обращаются.
Когда копыта мягкой земли коснутся,
В следах чёрные озёра образуются.
К своему Алтаю,
С чёрными, как сажа, корумами,
Он прилетел.
В три мерге
К шести славным своякам прилетел;
Семь чубарых жеребят
Перед собой пригнал.
Шесть славных свояков
Его встречают,
С коня сойти помогают,
Богатырские поводья у него берут,
Коня привязывают.

Из молока семи дзеренух
Семь полных мешков чегеня
Они приготовили.
Эзегею и пыштаку много наготовили.
Из шерсти семи дзеренух
Белую кошму сделали.
От коновязи
До передних стен белого аила
Кошемную дорожку постлали.
У шести свояков
Кони жир нагуляли,
Сами они жиром заплыли.
Друг на друга,
Как быки, глядят.
Кускун-Кара-Матыра
Под руки взяли,
В аил повели.
В почётный угол,
На белую кошму
Его посадили.
Кускун-Кара-Матыр
Только и помнит,
Как на кошму сел,
Больше ничего не помнит.
В яму он провалился,
Как на дно чёрного ада,
Вниз упал.
На кровавую пику и стрелы,
Стоя поставленные,
Богатырь напоролся.
Шесть славных свояков
Бархатно-вороного коня
К железному столбу подвесили,

Ни задние, ни передние ноги
У него до земли не доставали.
Семь чубарых жеребят
Шесть славных свояков
Домой, к Караты-Кану погнали.

Однажды царь-птица Кан-Кереде
Друга своего вспомнила.
Правое крыло раскрыла,
Кускун-Кара-Матыра
Стрелу достала.
Стрела заржавела, почернела.
Ржавчина её изъела,
Она совсем тонкой стала.
С иголку толщиной стала.
Царь-птица Кан-Кереде,
Увидев стрелу, затужила.
— Мой золотой друг
Кускун-Кара-Матыр
Не с того места свалился,

Не своей смертью умер.
Золотого друга
Кускун-Кара-Матыра
Мёртвые кости искать
Она полетела.
Она месяцами летала,
Годами летала.
Бархатно-вороного жеребца нашла,
К железному столбу подвешенного.
На дне ямы в семьдесят саженей
Кускун-Кара-Матыра
Мёртвые кости нашла,
Из глубины чёрного ада
Их вырвала.
К белому морю слетала,
Целебной воды принесла.
Богатыря с пики кровавой снимает,
Целебной водой опрыскивает.
Кускун-Кара-Матыр встаёт,
В обе ладони бьёт.
Царь-птицу Кан-Кереде
И бархатно-вороного жеребца благодарит.
Ей говорит:
— Живым буду—
Твоей услуги не забуду.
Друг другу здоровья
Они пожелали,
В разные стороны разошлись.
Кускун-Кара-Матыр на своего
Бархатно-вороного коня сел,
В страну Караты-Кана,
Ездящего на чёрном иноходце, поехал.
Месячный Алтай перевалил,
Годовой Алтай перевалил,

Шесть своих славных свояков догнал.
Мимо них,
Как муха, прожужжал,
Как ветер, прошумел.
Шесть славных свояков не заметили,
Как он их обогнал.
Кускун-Кара-Матыр
К жене своей Темене-Ко возвратился.
К коновязи подъехал,
Бархатно-вороного коня привязал.
Чёрную девятигранную плеть,
В сильной руке свернув, зажал.
Двери аила распахнул,
В аил вошел, говорит:
— Женщина, ты поганая, червивая,
Зачем мою бобровую шубу
Шести славным сёстрам своим показала?
Её мне сейчас же достань.
Темене-Ко испугалась,
Жалобно заплакала,
Из золотого ящика
Из-под ста замков
Бобровую шубу-шкурку достаёт,
Мужу её подает.
Кускун-Кара-Матыр
Шубу разглядывает.
В одном месте едва заметное
Прожжённое пятно нашёл.
Жену спрашивает:
— Зачем шубу мою
Ты прожгла?
Темене-Ко со слезами говорит:
— Друг мой,

С молодых лет
Судьбу свою
С твоею судьбой
Я соединила.
Единственный проступок
Мне прости.
Не из любопытства
Шубу твою
Я посмотрела.
Мои сёстры были
В гостях у меня,
Меня просили
Бобровую шубу твою
Им показать.
Я наотрез отказала.
Они меня били,
Шубу показать требовали.
Я не показала.
Однажды они с аракой
Ко мне в гости пришли.
Я араки выпила,
Немного опьянела,
Любопытство их удовлетворила,—
Бобровую шубу твою показала.
В руки её
Я им не дала.
Из моих рук
Они на неё посмотрели.
Искру из трубки
Одна сестра
На шубу твою
Нечаянно обронила,
Её чуть заметно прожгла.
Так Темене-Ко

Кускун-Кара-Матыра,
Мужа своего, умоляла.
Бархатно-вороной конь
Ему говорит:
— Хозяин мой славный,
Шкуру свою бобровую
Ты на огне сожги.
Кускун-Кара-Матыр
В одну охапку с горы
Целый лес схватил,
Костёр разложил,
На костре шкуру свою бобровую
В пепел сжёг,
Пепел по ветру развеял.
Темене-Ко пищу приготовила,
Мужа накормила.
Кускун-Кара-Матыр
Усталую спину разогнул,
Голодный желудок наполнил,
Жене говорит:
— Жена моя Темене-Ко,
Сходи к отцу, узнай,
Вернулись ли домой
Мои славные шесть свояков?
Темене-Ко сказала:
— Шесть славных твоих свояков
Домой приехали.
Кускун-Кара-Матыр
На своём коне
К своему тестю поехал,
К его аилам подъехал.
Караты-Кан шести славным своим зятьям
Встречу устроил,

Пир небывалый устроил.
Кускун-Кара-Матыр
С коня своего слезает,
Девятигранную плеть
В руке крепко держа,
В канский аил входит.
Как небесный гром,
Он загремел.
Железным звоном зазвенел.
— Червивые поганцы, на убийствах набалованные,
Червивые трусы, на убийствах людей закоренелые,
С вами счёты хочу свести!
Я дважды по шести
Чёрных маралов убивал.
Мои свояки за свою добычу
Их преспокойно выдали.
В благодарность мне
Слова доброго не сказали.
Чубаро-пегую кобылицу
Я поймал.
Мои свояки за свою добычу
Её выдали.
Семь чубарых жеребят
От птицы Кан-Кереде
Я привел.
Они неправдой себе
Их присвоили.
За добро мое
Меня наказали,
На дно чёрного ада свалили.
Вы всегда на меня
Зло замышляли,

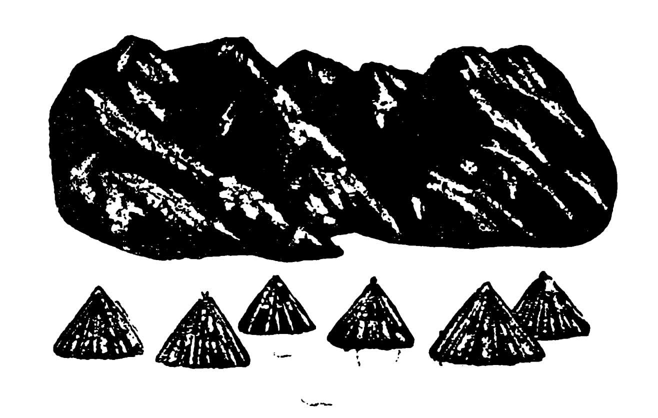
Никогда добра
Мне не желали.
Если сейчас вы скажете,
Что слова мои ложны,
Вот доказательства вам.
Он пальцы свояков достал,
Которые с них за добычу брал.
Всех шестерых
Свояков своих
За косички
В одну горсть схватил,
Девятигранной чёрной плетью взмахнул,
Стегать их стал
По спинам,
По шеям,
По местам,
Куда плеть попадала.
Потом в разные стороны
Их разбросал.
К тестю Караты-Кану
Он подходит,
В лицо ему прямо плюет,
Его проклинает:
— Пусть на Алтае твоем
Снег выше леса падёт.
Пусть народ твой,
Пусть белый скот твой
От горючих болезней
Погибнут.
Пусть родина твоя
Дочиста опустошится.
Пусть ничто живое не мелькает
В землях твоих.

Пусть на степях твоих,
Где табуны паслись,
Ни одной зелёной травинки весной не взойдёт.
Пусть долины,
Где густо жили твои народы,
Чёрным лесом зарастут.
В лицо Караты-Кану
Он трижды плюнул.
На коня сел,
К жене своей
Темене-Ко вернулся,
Ей говорит:
— Тебя проклинать
Не буду.
Тебя бить
Не стану.
Одна оставайся.
От тебя уезжаю.
Если хочешь меня найти,—
Догони.
Если не догонишь,
Не найдёшь,—
Вместо меня головы
Твоих семи отцов найди.
Если захочешь меня искать,—
С трудом, может быть, найдёшь.
Если меня с трудом не найдёшь,—
Головы семи твоих матерей найди.
Так сказав,
Кускун-Кара-Матыр
Коня повернул и уехал.
Было место,
Где его конь стоял,

Но, куда он уехал,
Никто не заметил.
У Темене-Ко, его жены,
Слёзы из глаз полились,
Как вода из озера.
Из носу воды потекли,
Как реки с ледяной вершины.
Кускун-Кара-Матыр
Скалы огибает,
Перевалы переезжает,
К отцу своему Когутэю
Он едет.
К старому аилу стариков
Он подъехал.
С коня не слезая,
Мать и отца
В горсть захватил.
В руке их потряс,
Во множество юношей и девушек
Их обратил.
Руку в боковой карман сунул,
Золотое кольцо достал,
На землю его бросил.
Кольцо в сто аилов новых обратилось.
Конский повод достал,
На луг его бросил.
Повод в сто табунов лошадей обратился.
Кускун-Кара-Матыр
Дальше отправился.
Место,
Где его конь стоял,
Осталось,

А куда он уехал,
Никто не знает.
Ни один живущий
Не заметил,
Ни один дышащий
Не видел.

Темене-Ко видит:
Земли отца её
Караты-Кана
Глубоким снегом покрылись,
Снег выше лесов лёг.
Страшные болезни появились,
Народы отца в три дня погибли.
Ни одного живого существа
На землях Караты-Кана
Не осталось.
Ничто не промелькнет,
Никто не покажется.
Семи дней не прошло,
Как Караты-Кана

Шесть славных зятьёв умерли.
Сам Караты-Кан,
Её отец, умер.
Алтын-Тана,
Её мать, умерла.
Темене-Ко
По следу мужа,
Кускун-Кара-Матырэ,
Итти собирается.
«Где он живёт,
Я хочу жить.
Где он умрёт,
Я хочу умереть»,—
Так она себе сказала.
Полы за пояс заткнула,
Рукава засучила,
В поиски отправилась.
Весь Алтай прошла,
Всю землю семь раз обошла,
Следа своего мужа не нашла.
Она его ищет,
Ни лета, ни зимы
Не зная.
Сама горюет,
Слезами заливается.
— Мой милый муж,
Я с тобой соединила
Жизнь свою с тех пор,
Как с большой палец была.
Мой добрый друг,
Я с тобой живу с тех пор,
Как с бабку была,
С тех пор,
Как мы с тобой были

Не больше ладони.
От твоей подошвы
Мне только верёвка осталась.
От спины твоей
Печаль осталась.
Семь лет так
Она его искала.
На седьмом году видит:
Чёрная гора стоит,
Через её вершину
Белые облака плывут,
За неё задевают,
На ней останавливаются.
К этой чёрной горе
Она прямо пошла.
Как дошла,
Увидала,
Что не гора это стоит,
Чёрный горный козёл стоит.
Его рога
В синие тучи врезались,
Его борода
До земли спускается.
Чёрный козёл Темене-Ко спрашивает:
— Откуда ты пришла?
Зачем пришла?
Темене-Ко отвечает:
— Мужа своего ищу,
Кускун-Кара-Матыра,
Ездящего на бархатно-вороном коне.
Чёрный козёл,
Ты—хозяин земли и вод,
Не слыхал ли,
Куда он уехал?

Не знаешь ли,
Где он находится?
Чёрный козёл говорит:
— По моему рогу
Вверх заберись,
Оттуда мужа
Своего увидишь.
С места, откуда нельзя крикнуть,
Его признаешь.
С места, откуда нельзя увидеть,
Его увидишь.
Если на рог мой
Не полезешь,—
Я тебя в бисер растопчу,
Тонкую душу твою,
Как шёлк, разорву.
Угрозу козла
Темене-Ко выслушала,
Вдвое больше прежнего опечалилась,
Больше, чем прежде,
В десять раз заскорбела.
Беззащитная, за бороду козла уцепилась,
На рога козлу полезла.
Выше и выше карабкается,
Выше белых облаков забралась,
Дальше лезть некуда было.
Темене-Ко кругом посмотрела,
Мужа нигде не нашла.
Темене-Ко обратно спускаться решила.
Чёрный козёл рогами взмахнул,
Темене-Ко в беспамятство впала.
Опомнилась и видит:
По Алтаю она идёт,
Где белые цветы

Повсюду рассыпаны.
На солнечной стороне
И на месячной стороне
Золотые и серебряные горы раскинулись.
Вершины их—
Как сосцы девиц.
Удобные перевалы кругом—
Как богатырские сёдла.
Среди прекрасных гор
Два белых одинаковых дворца стоят,
Канские аилы поставлены.
Вышитые золотые узоры на них
Под солнцем горят.
Невиданные табуны,
Словно каргана,
Алтай покрывают.
Народы, там живущие,
Всю землю наполнили.
На скот посмотреть—
Скот там с золотой шерстью.
На людей взглянуть—
Люди там в золотых шубах.
На восток они протянулись
До восхода солнца.
На запад они растянулись
До заката солнца.
Темене-Ко на всё
Смотрит и удивляется.
Из двух золотых дворцов
Две молодые женщины вышли.
Они её встречают,
Ей говорят:
— Ты—наша сестра
Темене-Ко.

С обеих сторон
Они её под руки берут.
— Ты—кровь груди нашей,
Ты—свет глаз наших.
В аил наш войди.
Темене-Ко говорит:
— Я вас не знаю,
Дела у меня к вам нет.
Своего мужа
Кускун-Кара-Матыра
Я ищу.
Женщины говорят:
— Приказания Кускун-Кара-Матыра
Слушай:
Мы—его жены.
Одна из нас—Алтын-Тана,
Дочь Луны-Кана.
Другая—Кумуш-Тана,
Дочь Солнца-Кана.
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр—наш муж.
Кускун-Кара-Матыр отправился
За дочерью царь-птицы Кан-Кереде.
Если не сегодня вернется,
Завтра на заре вернется.
Темене-Ко под руки взяв,
В золотой дворец ввели.
Голодную, её кормят,
Отощавшую, поправляют.
Темене-Ко ест
Из золотого блюда
Вкусный варёный сычуг.
Две женщины с неё
Шубу и обувь обветшалую сняли,

Обувь новую из булгарской кожи,
Шубу шёлковую,
Шёлковый чегедек
На неё надели.
На голову шапку
Чёрную соболиную надевают.
Темене-Ко в новых нарядах
В десять раз красивее стала.
Брови её,
Как две радуги, изогнулись.
Щеки её,
Как утренняя заря, покраснели.
Груди поднялись,
Как круглые горки.
Лицо её,
Как луна, стало кругло,
Как солнце, ярко.
Невестки Алтын-Танэ и Кумуш-Тана сказали:
— Нашей старшей сестрой будь,
Нам дорогу показывай.

Красная, как небо,
Заря загорелась,
Солнце взошло.
Жилами свет по земле заиграл.
Ездящий на бархатно-вороном коне
Кускун-Кара-Матыр
Домой вернулся.
Дочь царь-птицы Кан-Кереде—
Алтын-Юстюк привёз.
Ездящий на бархатно-вороном коне
Кускун-Кара-Матыр
Со всеми делами покончил,
На своём Алтае успокоился,
Свадьбу свою справлять стал.

За дальними гостями
Конных гонцов с письмом послал.
За ближними гостями
Пеших гонцов послал.
Гости со всех сторон собираются.
Старые и малые,
Молодые и пожилые,
Слепые с поводырями,
Хромые с костылями—
На свадьбу все идут.
Все богатыри собрались.
Лицо народа,
Как весенние палы, горит.
Мясо горами нарезано,
Араки моря наварены.
От дыхания лошадей,
На которых гости приехали,
Жёлтый туман поднимается.
На белом шелку
Молодцы собрались,
В чистом поле
Борцы-молодцы сошлись.
Четырём женщинам
Волосы расчесали,
Свадьбу их справляли.
Мясо, с гору наварённое,
Поедали.
Араку, с море наварённую
Выпивали.
В одном кругу
Старые люди пировали.
Молодые девушки
Своим кругом играли.
Женщины в чегедеках

Своим кругом веселились.
Молодцы в коротких куртках
В своём кругу возились.
Богатыри в золотых шубах
Своим кругом игру вели.
Молодцы в серебряных шубах
Своим кругом играли.
Меткие стрелки
Своим кругом в цель стреляли.
Непобедимые силачи
В своём кругу состязались.
Так Кускун-Кара-Матыра
Свадьбу играли.
На его Алтае
Певуньи-кукушки
Лето и зиму куковали.
В его лесах ягоды
Лето и зиму росли.
На его Алтае
Лето от зимы не отличают.
Там—вечное лето.
Там круглый год травы растут,
Цветы синие и белые цветут.

ПРИМЕЧАНИЯ

5. *Когутэй.* Этимологически—монгольское слово со значением «синеватый». Так называется в монгольском фольклоре божество из шаманского пантеона, которое управляет громами и молнией. Термин стоит в связи с монгольской (классической) формой *köке*—«синий». В т. II «Образцов» акад. В. В. Радлова встречается герой Кӱкеттей (стр. 181—182).

6. *Ездивший.* В фольклоре Алтая и Присаянья упоминание масти коня, на котором ездит герой, следует непосредственно за именем героя и, при частом употреблении, составляет как бы прозвище или, по-современному, фамилию. Показательные примеры находим в т. IX «Образцов» Радлова, собранных Н. Ф. Катановым: 1) Я—богатырь Тас, имеющий бело-саврасого коня (стр. 184). 2) [Выдает сестрицу мою] за богатыря Кара Мӧса, у которого вороной конь имеет обратную шерсть (стр. 185). 3) Имя моего отца Ак-Кан на бело-сивом коне! (стр. 305). 4) Я пойду за тебя, Алтын-Таса, на бело-сивом коне (стр. 307). 5) Живет у вас сын старика Ак-Кана на бело-сивом коне (стр. 308). 6) Богатырь Ай-Долай («полная луна») на бело-голубом коне с золотою шерстью сватает дочь его (стр. 320). 7) Был богатырь Ката́н, имевший вороно-гнедого коня (стр. 418). 8) [О горный дух!] ездишь ты верхом на темно-буром коне (стр. 547). 9) [Дух неба] ездишь ты верхом на сине-сивом коне (стр. 548). 10) [О девица Кыян-Арык!] ездишь ты верхом на сине-сивом коне (стр. 555).

11) Я—царь Челбир («волшебник») ездящий верхом на черно-гнедом коне (стр. 580). Ср. еще «Образцы», т. I, 298 (перевод): «Tana mit steinbraunem Pferde mögest du sein» («Ты, вероятно, Тана на каменно-коричневом коне»).

На синем быке. Слово *кӧк* (монгольское классическое *кӧке*) означает, по Радлову: 1) «синий, голубой, небесного цвета, светлозеленый, цвет молодой зелени», 2) «небо». У древних монголов и турок слово это имело символическое значение: являясь эпитетом шаманского божества («вечного синего неба»), оно прилагалось к своего рода «избранному племени», каковым себя считали, например, орхонские турки (*кӧк тюрк*). По гипотезе акад. Соболевского, отсюда же идет и название «половцы» (*половый*—«светлосиний»). Образ «синие турки», как обозначение идеальных предков, играет большую роль в риторике турецких националистических поэтов (Ака-Гюндюз и др.).

В алтайском сборнике Радлова (стр. 391—394, 398 и 399) один богатырь носит имя *Кӧк-Кан* («синий царь»). В т. II «Образцов» встречаем богатырей с такими именами: *Кӧк-Молат* («синяя сталь») и *Кӧк-Тас* («синий камень»), а также эпитеты: *кӧк-аттыг* («имеющий синего коня») и *кӧк пор'аттыг* («имеющий сине-сивого коня»).

По шаманским представлениям (Анохин, стр. 17), «вестником наступления потопа был синий козел с железными рогами».

В немецком переводе т. I «Образцов» Радлова находим: «weissblaue Stute» (бело-синяя кобыла»—стр. 63); «blaue Stuten und Kuhen» («синие кобылы и коровы»—стр. 64), «blaues Kalb» («синий теленок»—стр. 66); «blaue Stiere» («синие быки»—стр. 81).

Наконец, самый образ «синий бык» неоднократно встречается в т. IX «Образцов»: 1) О синий бык мой, кричащий по целым месяцам и ревущий по целым годам (стр. 172). 2) Загадка: Синий бык мой кричит и всему народу слышен [Гром] (стр. 272). 3) На Маленькой горе стояли и, бодаясь, дрались синий бык и черный бык (стр. 282). 4) Загадка: Синий бык мой не имеет шеи [Чугунный горшок] (стр. 367).

В якутском фольклоре «синий бык»—олицетворение духа местности, помощник богатырей. В него иногда

превращаются богатыри. Год, по якутским воззрениям, представляется в образе быка, выходящего из Ледовитого океана.

38—44. *Гнилых дровишек. Гнилое дерево.* Гнилые дрова (omeq mas) фигурируют в якутском эпосе: они превращаются в людей, в обиталища нечистых духов и т. д. В нашей сказке гнилая дуплистая лиственница оказывается первоначальным жильем чудесного богатыря, который выскакивает из нее в образе бобрёнка.

59. *На опушку шубы.* В оригинале *больджѐ*, что собственно значит: «мех на рукавах, оторочка рукавов». Такой «фасон» характеризует алтайскую национальную шубу.

65. *Меня не убивай.* В подлиннике вежливое обращение во множ. числе.

66—67. *Слепого хочу зрячим сделать* и т. д. Дословно: «Для слепого я буду оком, для безногого—ногами, для бездетного—ребенком». Полная параллель в т. I «Образцов» (перевод, стр. 35): «Um dem, der kein Auge hat, Auge zu sein; um dem, der keinen Fuss hat, Fuss zu sein,—Lebe ich jetzt» («Я живу теперь, чтобы стать глазом тому, у кого нет глаза, чтобы стать ногой тому, у кого нет ноги»). То же в т. IX (русский перевод Катанова): 1) Лисий сын отвечал, говоря: «Не имеющему сына буду сыном, не имеющему дочери буду дочерью» (стр. 101). 2) Я хочу, чтобы бездетному человеку быть сыном, а человеку, не имеющему жеребят, быть жеребенком (стр. 305). Те же выражения встречаются в якутском языке.

82. *К жене-старухе.* «Старик» и «старуха» названы в оригинале обычными для Алтая монгольскими терминами: *öбöгöн и эмеген.* В «Образцах», т. I (стр. 88, перевод) встречается *Обöгöн*, как собственное имя.

83. *Ребенка-бобрёнка.* В сказке, опубликованной и переведенной Катановым, подобным же образом усыновляют лисьего сына («Образцы», т. IX, стр. 101).

94. *В казане.* В оригинале сказано: *казан айагы*, т. е. казан (‚котел') и его чашка (точнее: чашка котла). Так называется вообще вся посуда (несколько предметов). Слово *казан* у тюркских народов употребляется с глаголом *ас* (‚вешать'), что означает: «подвешивать котел к огню», т. е. готовить пищу.

97. Дословно: «подвешивает котел». См. примеч. к ст. 94.

100—103. *На мужской стороне... на женской стороне.* Алтайская юрта делится на две части; женская половина (*эпчи-ян*)—‚левая', иначе ‚северная'. «Изображения *кöрмöс*'ов мужа подвешиваются в айле на жерди с мужской стороны, а *кöрмöс*'ы жены—на той же жерди с женской стороны» (Анохин, стр. 23).

То же различие было (отчасти есть) и у якутов: мужская сторона—справа, женская—слева.

105. *Огонь не потухает.* Из этого уже видно, что бобрёнок—не простое существо. Культ огня существует также у монголов (ср. Н. Н. Поппе, Пережитки культа огня в монгольском языке, ДАН—В, 1925, стр. 14) и якутов (В. В. Ястремский, стр. 4, примеч. 1).

В т. II «Образцов» встречается собственное имя девяти богатырей: *От* или *Кат-От* (т. е. ‚Огонь' или ‚Жесткий Огонь').

110. *Духа земли и воды.* По-алтайски: *йер-су* (дословно: ‚земля—вода'). Ср. Анохин, ст. 1.

134. *Караты-Кан. Каратй*—собственное имя. Ср. в т. I «Образцов» богатыря под названием *Каратты-Пэргэн* (стр. 355—364). В т. IX (перевод, стр. 140) встречаем в сказке «царя Каратты».

Кан (с долгим *а*)—алтайская форма того же монгольского слова, откуда произошло общеизвестное *хан.* В переводе с алтайского мы, следуя Радлову, Катанову и другим, предложили бы в целях сохранения специфически алтайского колорита удерживать форму *кан*, а не *хан.* Слово *кан* часто встречается в тт. I, II и IX «Образцов» Радлова в качестве составного элемента собственных имен.

137. *Алтай*—с. и.* горной системы. Радлов (Wb** 1, 402—403) производит это от *ал-тайга* (‚высокая гора'). Означает это, по Радлову: 1) собственно Алтай, т. е. горы между реками Катунью и Иртышом, 2) высокие горы, горная страна, Альпы. Имеется и специальный

---

* С. и. здесь и в дальнейшем *собственное имя.*

** Wb здесь и в дальнейшем значит Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte.

глагол *алтайла*—‚ехать по Алтаю', собственно, ‚алтаить'. В нашей сказке Алтай часто употребляется, как нарицательное имя, т. е. во втором из приведенных значений.

В т. I «Образцов» находим следующие образы, связанные с Алтаем: 1) «Der Wirt des Altai» («Хозяин Алтая»)—стр. 73. 2) «In seine Hosen dreier Altai (Gebirge) Kraut steckte er hinein» («В свои штаны он вложил траву трех алтаев (горных хребтов)»—стр. 82. 3) «Meiner Altai Jurte gedenke ich nicht» («Я не вспоминаю своей алтайской юрты»)—стр. 86. 4) «Der Vater Altai ist mit dünnem Gras besetzt. Der Sonnen-Altai ist mit dünnem Gras besetzt» («Отец Алтай покрыт тонкой травой. Солнечный Алтай покрыт тонкой травой»)—стр. 256. Наконец, Алтай представлен в виде земного рая:

Loblied auf den Altai

Auf des weissen Altai weissen Bergrücken
Ist eine goldene Blume;
In dem Lande mit goldenen Bergen
Ist die Helle des Mondes.
Auf dem blauen Bergrücken des blauen Altai
Ist eine silberne Blume;
In dem Lande mit silbernen Bergen
Ist die Helle der Sonne (стр. 258).

«Гимн Алтаю». На белых хребтах белого Алтая—золотой цветок. В стране с золотыми горами—свет луны. На синих хребтах синего Алтая—серебряный цветок. В стране с серебряными горами—свет солнца».

Часто упоминается Алтай и в монголо-ойратском героическом эпосе (акад. Б. Я. Владимирцов, op. cit.): 1) Подымаются нагроможденные Алтайские горы, выросшие все вместе без проходов-перевалов (стр. 55). 2) Подъемы тридцати Алтайских перевалов (стр. 56). 3) Добродетель моя наполнила Алтай и Хангай (стр. 58—59). 4) ...вырос, наполнив Алтай (стр. 60—61). 5) ...охотиться... на северные склоны Алтая... на южный хребет Алтая (стр. 85). 6) Подымаются семьдесят двойных гор отчизны Алтая (стр. 103). 7) ...тринадцать скалистых пещер на теневой стороне Алтая

(стр. 199). 8) ...направил в сторону отчизны, богатого Алтая (стр. 210). 9) ...родной тринадцативершинный богатый Алтай (стр. 211). 10) ...к милостиво-святым тринадцати Алтаям, к молодым красным духам Алтая (стр. 211). 11) Алтай он взял себе, как подушку (стр. 212). 12) ...возвышается можжевелистый сокровенный Алтай (стр. 217).

Эпитеты Алтая по алтайскому эпосу: 1) отец, владеющий мелкою травою, 2) белый, 3) имеющий шесть или четыре угла, 3) счастливейший, 4) голубой или синий (ср. Катанов, Указатель к «Образцам», т. I).

140. *Его счастье.* В оригинале: *эрдьенэ*, что значит: ,драгоценность', ,сокровище' (из монг. erdeni). Слово употребляется и в шаманском обиходе: *кудай* называется выкроившим *эрдинэ* (,счастье'). См. Анохин, op. cit., стр. 103.

143. *Начальник народов.* В оригинале *бий* (феодальный термин), что значит: ,князь', ,господин', ,судья'; у якутов—,старший брат'. Родственно турецкому *бей* (ср. *Ахмет-бей*), но не имеет ничего общего со словом *бай* (,богач'), как думают некоторые вслед за В а м б е р и.

146. *Темене-Ко*—с. и. из монг. *тебене* (,большая игла') и монг. *кō* (,прекрасный', ,красивый'). Таким образом имя младшей дочери Кана: «Красивая, как игла». Слово *кō*—обычный эпитет алтайских и монгольских красавиц. В т. I «Образцов» упоминается девица *Темен-Окö* (sic!)—стр. 73 и 75; в т. II—*Тебене-Арыг*, что Катанов переводит: «Чистая, блестящая игла». Там же—имя царя *Тебене-Кан* и, буквально совпадающее с нашим, имя героини *Тебене-Кō*, что Катанов переводит: «Красивая игла или чапрак».

Формы *Темене* и *Тебене* различаются только в звуковом отношении.

152. *Из аила. Айл*—юрта у алтайцев (Радлов), стойбище (Анохин, op. cit., стр. 3). Некоторые сопоставляют этот термин с известным словом *аул*. В посмертной работе Владимирцова «Общественный строй монголов» слово *айл* (монгольское по происхождению) объясняется, как «кочевые стоянки или кочевые дворы, состоявшие из отдельных юрт и телег-кибиток» (стр. 37). Там же узнаем, что в XI—XII вв. монголы кочевали

или отдельными семьями, в одиночку, *айлами*, или *курѐнями* (монг. слово, обозначающее скопление *айлов*). Этому «аильному» и «куренному» способу кочевки отведены стр. 36—37 (op. cit). См. также указатели в конце книги. На стр. 37, сноска 1, объяснено происхождение русского слова «курень».

155. *Нечистая сила*. В оригинале *йеткѐр* (произносится как бы *тьеткер*). По Радлову (Wb. III, 364) ‚гадкость', ‚фальшивость', ‚искупление дьявола', ‚дьявол'. Один из бесчисленных злых духов. У Анохина не отмечен (op. cit).

171. *Аракà*—‚водка из молока', реже: ‚русская водка' (Радлов, Wb. I, 250). Употребляется в ритуальных шаманских церемониях: ей приносят жертву *кöрмöс*'ам (Анохин, стр. 31). Необходимый атрибут свадьбы и пиров в алтайском, присаянском и якутском фольклоре.

Чегѐнь. Это по происхождению монгольское слово обозначает: ‚квашеное молоко' (Т ы д ы к о в) или ‚кумыс' (Радлов). Приготовляется, однако, из коровьего молока.

173. *Посватать*. Начиная с просьбы бобрёнка посватать его, наша сказка, вплоть до мелких деталей, совпадает с радловской *Ай-Кан* («Образцы, т. I, стр. 97, ст. 303 и сл.).

189. *Китайскую чашечку*. Дословно: *чöчöй*—‚стакан', кубок', ‚чашка'. У Анохина (стр. 78) упоминается ‚*чочой аяк* (стеклянная чашка, употребляемая в шаманском ритуале).

190. *Таволожник*. По-алтайски *сöскöн*, что, согласно Радлову, значит: ‚куст, растущий на скалах'. Для ботанического вида Spiraea Salicifolia L. существует другое, довольно старое, тюркское слово: *tabulga*.

191. *Ташаур*—кожаный турсук для хранения водки, или вообще сосуд, употребляемый для этой же цели.

216. *Коня—синего быка*. Ср. аналогичное выражение «конь-сокол», употребляемое в шаманских текстах (Анохин, op. cit., стр. 74). Ср. еще «ястреб-конь» (ibid. 105).

227. *Мерге*. По Радлову, это слово в телеутском наречии обозначает: ‚ловкий на руки', ‚ловкий'. Должно быть сопоставляемо с монгольским *мерген* (‚меткий стрелок', ‚удалец'). В нашей сказке алтаец Н е м е-

тов понимает слово *мергè*, как ‚удар копытами', ‚прыжок', а Ц. Ж. Жамцарано—как ‚меткость' и ‚выстрел' (в смысле расстояния). В алтайско-русском словаре Тыдыкова слово отсутствует; имеется только *мергедер*—‚бросать'.

237. *Самцы-верблюды.* Дословно: *бура*—верблюжий жеребец.

248. *Занавеску.* Слово это (*калкà*) означает также ‚дверцы хлева', ‚калитка', ‚дверь' (в сказках).

267. *Изношенную одежду и обувь.* Дословно: ‚лишки от одежды и обуви'.

287. *Сватовство принял.* Дословно: ‚араку выпил' (в знак согласия).

296. *В ладоши захлопала* и сл. Форма выражения горя у алтайских женщин.

298. *Горько заплакала.* Данная сцена и предыдущая сцена сватовства почти буквально совпадают с радловской *Ай-Кан* («Образцы», т. I, стр. 98—99, особенно стихи 335—351). Там старуха также горюет по убитом муже, которого Алтын-Аяк посылал к Сары-Кану сватать за себя его дочь, и упрекает Алтын-Аяка почти в тех же выражениях, как наша старуха бобрёнка.

300. *Ты его голову съел*, т. е. погубил. Обычное выражение, которое употреблено и в ст. 351 только что упоминавшейся сказки «Алтын-Аяк».

301. *Дух земли и воды.* В оригинале стоит *илбӱз*, иначе *йелбӱс*, по Анохину (стр. 15), собственное имя обеих дочерей горы Абу-Кан. Т. о. речь идет о духах местности.

305. *Смолоду.* Дословно: ‚[когда была величиной] с бабку'. Игра в бабки весьма распространена на Алтае. Обручение производилось обычно, когда жених и невеста были еще детьми.

316. *Красную душу тебе перерезать.* Обычное понятие о душе таково, что она представляет собой нечто вроде тонкой кисеи или нитки. «Душа человека у алтайцев называется «нитяной», «непрочной» (Анохин, стр. 3). Эрлик (см. Введение) перерезает нить жизни.

У аларских бурят в фольклоре упоминается «жизнь величиной с нитку» (Поппе, Аларский говор, ч. 2, Лгр. 1931, стр. 116) и «красная жизнь с нитку» (там же, стр. 138).

О представлениях о душе в якутском фольклоре см. Ястремский, стр. 5.

322. *Оживлю*. Ср. буквальное совпадение в алтайской же сказке «Ай-Кан», ст. 354 («Образцы», т. I, стр. 99, перевод).

332. *Широко скакнул*. В тех приемах, которыми бобрёнок оживляет труп Когутэя, можно видеть отголоски шаманского ритуала.

384. *Умереть*. Вся фраза, построенная по схеме параллелизма (см. Введение), представляет собой пословицу. См. также предисловие В. Я. Зазубрина, стр. 9.

393—394. *Обе руки... поглаживала*. Подтыкание пол одежды и поглаживание рук указывают на то, что старуха готовилась к большой работе. Выражению «поглаживать руки» перед делом соответствует русское «засучить рукава».

395. *Из остатков*. В оригинале картинное выражение *капкыр шипкир*, т. е. ‚объедков-мобъедков' (=всяких там объедков), как это механически можно передать по-русски. (О подобного рода «парных словосочетаниях» см. в нашем Введении, стр. 27.)

402. *Через желтый Алтай*. Эпитет «желтый» указывает, повидимому, на пожелтевшую летом траву. Иначе Алтай называется «золотым». См. примеч. к ст. 137.

420. *Богатырь прозорливый*. В оригинале *шулмус* (вариант: *шулумус*), что Радлов объясняет, как: 1) ‚злой дух', ‚обезьяна', 2) ‚хитрый'. В современном алтайском языке иногда значит ‚бойкий'.

Ниже упоминаются «семь хитрецов (*шулмус*'ов) всей земли» (см. примеч. к ст. 1773) и «семьдесят мудрых хитрецов». У Анохина в шаманских заклинаниях (стр. 66) находим фразу: «Мои месяц и солнце—Шулмус'ы!». В присаянских фольклорных текстах Катанова («Образцы», т. II) находим след. места о термине *шулбус* (=*шулмус*): 1) Шулбус (‚кащей') есть существо, имеющее один глаз и большой нос. Он живет в глубокой пещере. Есть шулбус и мужеского, и женского пола. Он пакостит человеку. Человека он убивает (на поле) и бросает. Мужчине пакостит шулбус женского пола, а женщине—шулбус мужеского пола. Если надо убить человека, то укажет шулбус (стр. 31). 2) Однажды он

во сне стоял в верховьях узкой реки и увидел сиво-пестрого коня и серого *чулбуса* (злого духа) (стр. 170; подчеркнуто мною. *Н. Д.*). Фонетически форма *чулбус* является третьей разновидностью того же названия. На той же (170) странице, несколько ниже, слово *чулбус* приравнивается к слову *мангыс*, как называются известные чудовища в монгольском эпосе (соответствующий персонаж есть и в якутском).

441. *Новости.* В оригинале словосочетание *табыш таам*, т. е. ,новости-мовости' (=всевозможные новости). См. примеч. к ст. 395.

455. *Подобно небу загремел*, т. е. небу во время грозы. Так же развивается действие в близкой к нашей сказке алтайской версии *Ай-Кан* из т. I «Образцов» Радлова (стр. 100).

466. *Сверху прикрыли.* В только что названной алтайской сказке приехавшего сватом старика подвергают, по приказанию ка̀на, следующим мучениям: на первый раз ему отрубают голову и бросают ее псам, а труп на лошади отсылают домой. Оживленный Алтын-Аяком, он едет свататься вторично. На этот раз Сары-Кан велит отрубить ему голову, разорвать все тело по суставам и отослать его домой с лошадью. И на третий раз старика (оживленного Алтын-Аяком), который снова приезжает сватать канскую дочь, кан приказывает разрезать на куски. Алтын-Аяк снова оживляет старика и отправляет его к кану в четвертый раз, когда, наконец, старик добивается успеха. Из сопоставления обеих сказок можно сделать вывод, что мотив повторного сватовства является типичным для алтайского эпоса.

486. *Говорит.* Любопытно, что в параллельной радловской версии Ай-Кан персонаж Алтын-Аяк, соответствующий нашему Бобрёнку, с а м начинает говорить со старухой по поводу возвращения отца только в п р е д п о с л е д н и й раз: в предыдущие разы сватовства оба виновника гибели старика молчат, предоставляя старухам выражать свою скорбь.

503. В подлиннике *ӱстюгӧ ордн* (транскрипция приближенная). Это—бурханистский термин. О бурханизме см. Введение, стр. 22.

525. *Вдвое.* О своеобразном употреблении цифр

в связи с приемом фразеологического параллелизма см. выше, во Введении, стр. 25—27.

532. *Руками бьет*. Ударять руками по бедрам—способ выражения тоски и горя. В якутском эпосе также для выражения ужаса и печали герои (чаще—героини) хлопают в ладоши (см. примеч. к ст. 296) и бьют себя по бедрам. Ср. «Образцы», т. I (перевод, 101 и 103).

536. *Кудай*—божество. Слово иранского происхождения. Шаманский, позднее бурханистский термин. См. Введение. «Алтай» в восклицании «О мой Алтай!» также обозначает духа местности (Анохин, стр. 1).

563. *Скачет*—шаманский прием.

582. *Ни птиц, ни червей. Куш курт*—птицы и черви, т. е. все живое. Подобное выражение (парное словосочетание) существует в большинстве тюркских языков. В процессе оживления Когутэя, как он описан в сказке, отложились шаманские воззрения на тело и душу.

591. *Не советую ездить*. В оригинале—рифмованная поговорка из двух частей.

605. *Богатых берез*. В оригинале *бай кайынг*, что по-русски переведено дословно. Собственно это означает: ‚развесистая, кудрявая береза'. Иногда это значит: ‚священная береза', т. е. входящая в шаманский культ.

617. *От песни его*. Волшебная сила песни, которая покоряет природу и людей, часто отмечается в мировой литературе и фольклоре. С нашим местом лучше сопоставить не магическое действие песни Орфея, а мелодии финского Вейнемейнена (из «Калевалы»), обладателя чудесного инструмента—кантеле.

622. *Кукушки-певуньи*. Кукушка играет важную роль в алтайском и якутском быту и поэзии. Неизменно фигурирует при описаниях весны. Упоминается в описаниях «земной идиллии» или «золотого века», что также часто встречается в фольклоре названных народностей. Ср. Ястремский, op. cit., стр. 56 и 79. В саянском фольклоре, собранном Катановым («Образцы», т. II, 75, читаем: «Кукушка не утомляется, постоянно кукуя».

625. *Прекраснее в сто раз*. Оживление природы под действием песни бобрёнка напоминает описание весны в известном уйгурско-мусульманском литературном памятнике XI века—«Кутадгў-Билйг».

647. *Умереть.* Пословица, которая уже упоминалась выше. В сказке *Ай-Кан* («Образцы», т. I) старик, соответствующий нашему Когутэю, говорит по подобному же поводу: «Werben ist nicht schwer, sterben ist schwer» («Свататься не тяжело, умирать тяжело»).

649. *Места по себе не выбирают.* В подлиннике: «Алтая по себе не выбирают». Также пословица.

655. *Пойду.* Эта пословица, как и две ей предшествующие, состоит из двух рифмующих частей.

660. *Слушайте.* Обращение на «вы» применялось обычно к старикам. Далее бобрёнок разговаривает с Когутэем в той же вежливой форме.

661. *Не как в первые разы.* В сказке «*Ай-Кан*» («Образцы», т. I, перевод) герой говорит старику, которого в последний раз отправляет к Сары-Кану для сватовства: «Jetzt tödtet (sic!) man dich nicht: Jetzt wird dich der Sary Kan selbst fürchten» (стр. 104)—(«Теперь тебя не убьют: теперь сам Сары-Кан испугается»).

680. *Богатырей.* Это монгольское и более известное из тюркских языков слово по-алтайски звучит: *матыр.*

— *За косы.* Коса—*кедьегэ*, которую носили мужчины, служила признаком шаманистов в отличие от крещеных алтайцев, у которых кос не было.

689. *Герои.* В оригинале *кюлюк*—‚славный', ‚знаменитый', ‚герой'.

691. *Сожми.* После возражений Когутэя бобрёнок снова переходит на «ты», как обычно, и этим как бы выражает свое недовольство стариком.

707. *Вперед.* Собственно: ‚в почетный угол' (для гостей).

718. В оригинале интересное выражение: «большой палец до сустава, а губа до зубов», т. е. будем бороться врукопашную пальцами, которые я буду вонзать в тебя по сустав, и зубами, которыми я «прохвачу» тебе губы. Повидимому, старинное выражение: аллитерация двойная (параллельная смыслу): *эргек тöскö эрин тишке.*

739. *До неба поднялась.* В алтайских сказках при описании быстрой езды богатыря обычно говорится, что пыль с неба падает на землю, а пыль с земли взлетает до небес. Ср. «Образцы», т. I: «Der Erde Staub stieg zum Himmel auf und des Himmels Staub fiel zur Erde nieder» («Пыль с земли поднялась к небу. И пыль

неба упала на землю»). Буквально та же фраза повторяется на других страницах.

742. *День как ночь стал.* При богатырской скачке героя природа переживает сильные потрясения. Столь же картинно представлено это в бурятском эпосе (см. Поппе, Аларский говор, ч. 2, Лгр. 1931, стр. 123). Ср. у Катанова («Образцы», т. II): «Конь летел так сильно, что звезды неба спускались на землю, а пыль земли поднималась до неба» (стр. 137). И еще: «Дыхание коня в виде черного тумана покрыло черную землю» (стр. 318).

743. Дословно: ,голова с мозгами'.

748. *Брови.* Обычай тереть брови, как одно из выражений испуга и ужаса, распространен среди алтайских женщин.

754. *Не простой человек.* В оригинале: *йāн Шулмус*— ,великий Шулмус' (см. примеч. к ст. 420).

764. *Выкуп,* т. е. калым, *шāлтà.* Это же слово существует в якутском языке.

774. *Почетное место. Тӧр*—почетный угол, куда сажают гостей.

778. *Хребтов.* В подлиннике *тайкà,* откуда русское «тайга». Слово это означает и гору и лес одновременно, т. е. горный хребет, покрытый лесом. Общее обозначение горы и леса встречается во многих языках тюркской системы: ср. якутское tьa (,гора', ,лес', ,тайга'), гагаузское dag, крымско-татарское dag. Ср. также сербское гóра (лес, гора). Ср. из присаянских записей Катанова («Образцы», т. II, стр. 226): «густой лес есть ,тайга'».

785. См. примеч. к ст. 774.

795. См. примеч. к ст. 718.

816. *Буду есть.* Пословица; смысл ее: «все пойдет как следует».

823. *Выкупай.* Очень оригинальные условия выдачи дочери замуж ставит Сары-Кан, аналогичный нашему Караты-Кану, в радловской сказке «Ай-Кан» («Образцы», т. I, перевод, стр. 105).

830. *Байтал*—,кобылица'.

839. *«С народа».* В подлиннике поставлено слово *албатӹ.* Это монгольское слово является старым феодальным термином в условиях Монголии. Вот как ха-

рактеризует его Владимирцов в своей книге «Общественный строй монголов» (стр. 159): «Главнейшей обязанностью всякого вассала к своему сюзерену—феодальному сеньеру того или другого ранга—является alba[n]—«служба, повинность»; alban—связывающее начало монгольского феодального общества, это hominium et fidelitas средневековой Европы. Поэтому всегда вассал называется albatu—«обязанный службой-повинностью, подданный», vassalus, feodatus. Самый простой арат является albatu своего сеньера, но и сами сеньеры, даже царевичи, могут быть названы albatu по отношению к своему ejen'у, хагану.

Вместе с тем можно констатировать чрезвычайно большую разницу между alban феодала по отношению к своему сюзерену и alban арата, хотя термин употребляется один и тот же... Арат... «принадлежит» своему владельцу, он его «крепостной вассал» (servus). Владетельный феодал имеет в своем распоряжении своих albatu так же, как имеет скот и прочее имущество».

Итак, феодальный термин àlbatu, перейдя из средневековой Монголии в Ойротское ханство, растворился в алтайском языке в значении просто ‚народ'. В этом смысле он и употребляется Когутэем.

917. См. примеч. к ст. 605.

926. *Встрепенувшись*, точнее: ‚расползшись по жилам' (*тамыр*), т. е. по радиусам, как бы мы сказали.

952. *Карганà*. Это монгольское слово обозначает кустовидное растение ракетник или «Linsenbaum», как переводит Радлов (Wb. s. v.); латинский термин: Robinia ferax. Народы кана по численности и густоте сравниваются со сплошным кустарником или лесом.

959. *Дворцу*. Здесь именно дворец (*öргö*) в противоположность канской юрте (*айл*), упоминавшейся выше. Описание канской стоянки ведется на этот раз в гиперболическом разрезе. Золотые ворота, золотой дворец и коновязь являются атрибутами шаманских божеств—духов местности (Анохин, стр. 16).

963. *Туман*. Ср. тот же образ у Катанова («Образцы», т. II, стр. 318): «Дыхание коня в виде черного тумана покрыло черную землю».

989. *Хоть и бобер*... Здесь отразилась популярная

в нескольких вариантах пословица, смысл которой в том, что своя вещь всегда дороже, какова бы она ни была. Перевод одного из вариантов имеется у Радлова («Образцы», т. I, стр. 2): «Wenn's auch schlecht ist, sei's doch *dein* Haus, wenn's auch Fastenspeise ist, sei's doch *deine* Grütze» («Хоть и плох—да *твой* дом! Хоть и «постная» пища—да *твоя* каша!»).

990. *Мужем моим будет.* Если до сих пор наша сказка по развитию действия неоднократно совпадала с часто упоминавшейся алтайской же сказкой «Ай-Кан» (Радлов, «Образцы», т. I, перевод, стр. 88 сл.), то, начиная отсюда, «Когутэй» сближается с алтайской сказкой «Купец», как переводит Радлов (ibid., стр. 8 сл.), содержащей известный мотив о царевне-лягушке, хорошо знакомый и русским сказкам (совпадение впервые подметил еще акад. Шифнер). Частое в этой сказке выражение «жена-лягушка» Froschweib (радловский перевод, стр. 10) соответствует нашему er kundùs—‚муж-бобёр'.

998. *Прибавляться* в смысле ‚оживляться'.

1011. *Телят.* Дословно: ‚торбок', что означает: ‚двухлетний бычок'.

1020. *Народы.* В подлиннике термин *албаты*, о котором см. примеч. к ст. 839.

1072. *Ни на что не годен.* Ср. преломление того же мотива в алтайской сказке о царевне-лягушке (Радлов, «Образцы», т. I, перевод, стр. 10—11). Там даже сам муж лягушки, вызванный с нею к отцу, стыдится своей жены: «Ich schäme mich meines Weibes und will sie nicht hinbringen. Was für eine (Frau) mit schönem Gesichte soll ich wohl hinbringen? Was für eine schöne Stimme mag ein Frosch wohl haben? Ein fremdes Mädchen will ich miethen, will sie zeigen und recht schön singen lassen» («Я стыжусь моей жены и не повезу ее. Какую такую женщину с прекрасным лицом буду я везти? Да и какой там прекрасный голос может быть у лягушки? Я найму чужую девушку, буду ее показывать и заставлю петь, как следует»).

1106. *Алтын-Тана* из *Алтын* (монг.-алт.) и *Тана* (монг.)—дословно: ‚Золотой Перламутр'. Обе составные части нередко встречаются в собственных именах алтайских героев и героинь. В «Образцах», т. II,

стр. 216 сл., 248 сл. встречаем девицу по имени Алтын-Тана.

1116. *Кусок курута. Курŷт*—монгольское и тюркское слово. Так называется вид спрессованного сыра.

1144. *Корни травы они копают.* Здесь в картинном описании отощавших и беспомощных свояков затронут вопрос, весьма важный для местной этнографии и экономики. Дело в том, что выкапывание корней и съедобных трав является весьма старым способом добывания суррогатов питания в этом крае (отмечено еще Палласом). Особенно распространен этот способ у оленеводов и звероловов (карагасы). Собственно алтайские племена также им пользовались. Из подобных растений в пищу шли: кандык, сарана и др.

Подробнее вопрос разбирается в статье Дыренковой и Потапова: «Озуп и абыл—хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги» (Из области первобытной культуры турецких племен)—в журнале «Культура и письменность Востока», кн. 3, 1928, стр. 103 сл.

1147. *По-маральи закричал.* В подлиннике *агыртāп*, т. е. стал выгонять из чащи зверей особым криком. От этого алтайского слова образован глагол «агыртàпить», который употребляется у местного русского населения и, разумеется, понятен алтайцам. Подобного рода арготические образования встречаются всюду, где русское население непосредственно соприкасается с национальным (для тюркских языков ср. Поволжье, Среднюю Азию).

Самый термин связан с так наз. «облавной охотой» у монголов, позднее алтайцев; о ней см. у Владимирцова «Общественный строй монголов», стр. 80 сл.

1170—1171. *Ты тело своего отца...*—сильное ругательство.

1183. *Вслед им плюнул.* Способ заклинания, связанный с шаманской практикой. Тот же способ встречается и у якутов.

1263. В дальнейшем ответе кана строки подлинника в переводе переставлены.

1282. *Пыштак*—название молочного продукта; по Радлову (Wb. s. v.): сыр из творога.

— *Эзегей*—монгольский термин. Нечто вроде сухого творога. Радлов (Wb. s. v.) переводит: ‚творог'.

Как у всех тюркских народностей, молочные продукты в алтайском языке имеют много обозначений, которые трудно переводить на другие языки.

Г. М. Токмашов объясняет *пыштак* и *эзегей*, как ,творог со сметаной'.

1297. *Воду грей*—т. е. жди, пока я принесу дичи, чтобы варить ее.

1303. *Через шесть вод переправился*. Ср. из другой алтайской сказки то же, общее место: «Ueber sechzig Berge ritt er, über fliessendes Wasser setzte er» («Он переехал через 60 гор, он переправился через проточные воды»—перевод Радлова, «Образцы», т. I, стр. 47.

1319. *Пу́чка и репей*. См. примеч. к ст. 1144. Ср. у Катанова («Образцы», т. IX, перевод, стр. 341): «Я едва-едва дошел до этой земли, питаясь черемшею и пу́чками, а ноги перевязавши листьями пучек». Пу́чка (по-алтайски: *балтырга́н*) упоминается в качестве предмета питания также в «Образцах», т. I, перевод, стр. 291: «Ass von der Paldyrgan Staude» («Питался кустиками палдырга́на»).

1322. *Около самой смерти*—т. е. находятся на грани смертельной опасности. Ср. близкое выражение из другой алтайской сказки: «Wenn wir dem Teufel nahe sind» («Если мы близко от (самого) дьявола»). «Образцы», т. I, перевод, стр. 39.

1325. См. примеч. к ст. 778.

1481. *Холодные реки вытекли*. В подобных стереотипных выражениях описываются плач и рыдания женщин. Ср. у Катанова («Образцы», т. IX, перевод, стр. 325): «Агылан-Кӧ сидела и плакала, превращая слезы глаз в кровь, а воду носа—в лед». И еще (ibid., стр. 437): «Слезы глаз делаются кровию (sic!); текут они вниз из глаз. Вода носа делается льдом».

1525. *Ты огонь наших глаз*—формула, выражающая ласку.

1553. *Дорогие*. В подлиннике *кайран*—,милый'. Отсюда через прибавление слова *кан* получился, по мнению Радлова, шаманский термин *кайракан*—эпитет Эрлика. Анохин (стр. 3) отвергает подобное толкование слова *кайракан* (,царь милостивый') и переводит: ,царь острый, режущий', намекая на алтайское представление о душе, как о чем-то, похожем на нить. См.

примеч. к ст. 316. Ср. у Радлова («Образцы», т. I, перевод, стр. 185) алтайское сказание о конце мира: «Kairakan, Gott der Vater» («Кайракан, бог-отец»).

Ср. Ястремский, op. cit., стр. 100, примеч. 2.

1563. *Семь чубарых жеребят* через несколько строк обозначаются как «девять (sic) чубарых жеребят». О своеобразном обращении с числами, как о типичном для алтайского фольклора явлении, см. Введение. Конкретные примеры см. у Ястремского, стр. 38, 68, 75 и 79.

1564. *Царь-птица.* В оригинале «кан-птица».

— *Кан-Кереде.* Этот же персонаж встречается в алтайской фольклорной записи Радлова («Образцы», т. I, перевод, стр. 265): «Der Kan Kerede Vogel kam zu des Fürsten Jurte» («Птица Кан-Кереде прилетела к юрте князя»).

Первая часть имени—алтайское слово *кан*; вторая происходит из санскр. garuda, о чем см. Ястремский, стр. 111 и 226 (здесь и библиография, данная С. Е. Маловым). По-якутски эта волшебная птица, по своей роли в сказках отчасти напоминающая русскую Жар-птицу, называется *хардай* (ср. Ястремский, стр. 68).

Ср. у Катанова («Образцы», т. IX, перевод, стр. 232): «У ее платья были крылья птицы феникс (*гаруда*)». В т. II «Образцов», стр. 98 и 112, встречаем *Кан Кереде кус*—‚королевский орел’, по переводу Катанова; так называют там «двух вещих птиц, одаренных могуществом спасать людей». В других местах название таково: *Кан Кера кус* (*куш*). Под последним названием объединяются «две птицы (самец и самка), живущие на небе и имеющие двух птенцов» (ср. «Образцы», т. II, стр. 496—498 и 538). В сказке «Когутэй» название *Кан-Кередс* также относится к двум птицам (самцу и самке).

1642. По-алтайски *Йельбис*—название духа местности. Об этом слове см. Анохин, стр. 15.

1652. *Свалилась.* Когда шкура свалилась, бобрёнок, очевидно, принял облик человека-богатыря. Перед этим он *отряхнулся*; отряхивание в алтайских и присаянских сказках обычно предшествует тому, что герой меняет свой прежний вид и превращается в новое существо. См. конкретные примеры у Радлова («Об-

разцы», т. I, перевод): «Der Alte schüttelte sich, wurde ein Löwe» («Старик отряхнулся и стал львом»)—стр. 43. «Kan Püdäi schüttelte sich und wurde ein schwarzer Stein» («Кан Пюдей отряхнулся и превратился в черный камень»)—стр. 72. «Der Bär schüttelte sich. Ein Mann wurde er» («Медведь отряхнулся. Он превратился в человека»)—стр. 93.

1690. *Опустить*...—поговорка, существующая и в якутском языке. Отчасти соответствует нашему «во мгновение ока».

1753. *Схватил*. Дальше во второй версии оригинала следуют 12 стихов о сожжении бобровой шкуры и о превращении бобрёнка в богатыря. Между тем, по основной версии, бобрёнок, превратившись в человека, до приобретения коня, оставил шкуру у жены с наказом хранить, причем жена, в конце сказки, нарушает этот наказ.

Вторая версия представляет дело так, что бобрёнок сжигает шкуру по совету коня, который с этих пор становится его верным помощником:

Черно-бархатный конь говорит:
— Бобровая шкура слетела,
Сожги ее в ярком пламени.
Бобрёнок отряхнулся:
Бобровая шкура спала.
Тот, кто был ростом с бобрёнка,
Стал воином-богатырем.
Деревья с белой горы-хребта
Зажал в правой руке,
Развел яркий огонь.
Чтобы сжечь бобровую шкуру,
Стал раздувать его.

1761. *В моем арчимаке. Арчима́к*—‚переметная сумка', ‚вьюк',

1762. *Письмо*. Буквально тот же мотив в одной саянской сказке («Образцы», т. IX, перевод, стр. 232): «Вышедши из юрты, он [герой] увидел у передней луки лошадиного седла бумагу; в той бумаге были следующие слова...»

1773. *Хитрецов*. В подлиннике *шулмус*—см. примеч. к ст. 420.

1778. *Противиться.* Дословно: ‚ты не дашь им говорить’.

1781. *Большой палец.* Выражение намекает на пословицу, о которой см. примеч. к ст. 718.

1787. Пословица.

1791. Именно *героя* (*эр*), а не богатыря (*матыр*).

1794. *Кускун-Кара-Матыр*, т. е. ‚Ворон-Черный-Богатырь’. Встречается также имя героя Кускун-Алып (‚Ворон-Богатырь’)—см. указатели собственных имен к тт. I и II «Образцов» s. v.

1795. См. примеч. к ст. 6.

1813. *Богатырь*, собственно: ‚славный’ (*кюлюк*).

1821. *Пику.* По-алтайски: *йыдà.* Это монгольское слово, по исследованию акад. Владимирцова, усвоено не только тюркскими языками, но через них попало и в польский язык.

1827. *Стрелы.* Ср. из другой алтайской героической сказки («Образцы», т. I, перевод, стр. 70): «Seinen Pfeil mit sechzigschneidiger kupferner Pfeilspitze nahm er» («Он взял свою стрелу с медным наконечником о шестидесяти гранях»).

1838. *Панцырь.* Точнее: ‚сажа-панцырь’. Для панцыря употреблено монгольское слово (*куяк*), да и вообще описание Кускун-Кара-Матыра напоминает описание монгольских эпических героев. Ср. у Владимирцова, «Монголо-ойратский героический эпос» (passim).

1839. *Корумах. Корӳм*—‚россыпь’; мелкие камни, образующиеся от разрушения скалы (Радлов, Wb. s. v.). В русских арго «корум» означает мелкие деньги. Монгольская форма того же слова *хорум.* Анохин (стр. 70) переводит *корум*—‚мелкие камни’.

1854. *Мягок.* Точнее: ‚оба колена его [так и] стелются’.

1858. *Словно иноходью.* Более точный перевод этих двух строк: «Грудь—настоящий жеребец. Нижняя часть—настоящий иноходец».

1875. *Месяца и солнца.* По-алтайски асиндетическое сочетание *ай кюн* (‚луна—солнце’). Луна и солнце (порядок слов именно такой) играют очень важную роль в алтайском шаманском творчестве (см. Анохин, стр. 12, 13, 15, 16, 41, 55, 57, 70, 79, 83, 99, 115, 116,

117) и в алтайском фольклоре, причем обычно, как и в нашей сказке, луна и солнце называются одновременно. Ср. Радлов, т. I, перевод, стр. 265—266. Ср. Катанов («Образцы», т. IX, перевод): «Спиною своею он загородил луну. Грудью своею он загородил солнце» (стр. 185). «Девица чище луны и красивее солнца» (стр. 262). «Вошла та, которая светлее восходящего солнца и красивее восходящей луны» (стр. 326). Таким же образом фигурирует луна—солнце в якутском фольклоре (Ястремский, стр. 91, 96, 119) и у аларских бурят (Поппе, op. cit., стр. 125, 130, 179).

1889. *Кула́ш*—мера длины, приблизительно сажень. Дословно: с девятикулашным черенком.

1905. *Кандык*—таёжное растение (Erythronium dens canis). Корни его копают и употребляют в пищу. Месяц март называется «месяц кандыка» (*кандык айы*). Ср. Дыренкова и Потапова, op. cit., стр. 108—110. Ср. также Катанов («Образцы», т. IX, перевод, стр. 17, 106, 359, 557).

Сарана в качестве суррогата продуктов питания известна на большом пространстве Сибири и Поволжья.

1913. *Круглые сердца*. Постоянный эпитет сердца: «круглое; шар». Анохин (стр. 49) переводит это слово, как ‚узел‘. Любопытно привести другое описание ужаса из «Образцов», т. I, перевод, стр. 291. «Mein Wachtelherz sprang entzwei vor Furcht. Mein-Nadelherz zerbrach vor Furcht» («Мое сердце-перепелка раскололось от страха. Мое сердце-иголка треснуло от страха»).

1925. *Золотом шитые*. Точнее: ‚златоверхие’, ‚с золотым верхом’.

1948. *Улусов. Улус*—слово монгольское, первоначально обозначало определенное количество кочевых семей, выделенных в удел какому-нибудь феодалу (Владимирцов, «Общественный строй монголов», стр. 144). Иначе: «Всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хаана, нояна, тайши, баатура и т. д., называлось ulus, т. е. «народ-владение», «народ-удел» (ibid., стр. 97). Ввиду этого слово ulus может быть переведено,

с известными оговорками, как ‚удел', ‚владение'; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова ulus и есть именно ‚люди'. Поэтому слово ulus может быть передано и как ‚народ', т. е. «народ, объединенный в таком-то уделе или образующий удел-владение». Впоследствии ulus означает уже ‚народ-государство', ‚народ, образующий государство-владение', ‚государство' (ibid., стр. 97). Из монгольской практики слово перешло в Золотую Орду.

1962. *Чалтà*—особое восклицание. По толкованию переводчика оно служит для выражения печали, почему и заменено в тексте словом: печально (примечание редактора лит. текста).

1970—1973. Поговорка. Смысл ее тот, что нет ничего невозможного.

2021. *Дзеренуха*—самка дзерѐна (род антилопы). Слово—первоначально монгольское.

2025. *Сохатиха*—самка сохатого. Однако Радлов переводит этот алтайский термин *ак кийик*, как ‚сайга' или ‚северный олень'.

2060. *Остаются*. Эта и следующая фраза—пословицы.

2068. *Золотые и серебряные горы*. Золото и серебро упоминаются весьма часто—и как эпитеты, и как полновесные обозначения. Алтайский эпос употребляет эти слова чуть ли не при каждом описании. (См. «Образцы», т. I, перевод, стр. 62, 107, 109, 196, 258. Ср. Анохин, стр. 82, золотая гора). См. Катанов («Образцы», т. IX): «Золотая тайга и серебряная тайга» (стр. 107), а также стр. 47, 169. На стр. 226 читаем следующую запись: «Золото и серебро встречаются в сказках везде и всегда», а на стр. 214 читаем своего рода рассуждение на тему: «Серебро и золото в сказках». Подобное же положение находим в фольклоре якутов (Ястремский, стр. 6, 73, 103) и аларских бурят (Поппе, стр. 111, 138, 140, 195).

2069. *Целебные моря*. Часто упоминаются в алтайском фольклоре.

2077. *Появляются*. Это слово и предыдущее составляют стереотипную поговорку; более точный перевод

ее следующий: ‚для смотрящего глаза завидно, для бодрой груди тягостно'.

2082—2084. Стереотипная фраза. Ср. «Образцы», т. I, перевод, стр. 291: «Dass der Winter gekommen, Merkten sie am bereiften Kragen. Dass der Sommer gekommen, Wussten sie am bethauten Rockschoss» («Что зима пришла—Замечали они по заиндевевшему воротнику. Что лето настало—Знали они по обтаявшей на груди одежде»).

2099. *Затрепетали.* Собственно: ‚лопнули с треском'.

2102. *Земли.* В оригинале слово *йертемчи* (‚земля-вселенная'), искаженное из классич. монгольского *йиртинчю* (транскрипция приближенная).

2120. *Вечное лето.* Мотив о вечном лете занимает в фольклоре суровых по климату краев Алтая, Саян, Якутии и Монголии примерно то же место, как мотив о «золотом веке» в античную эпоху. Эта алтайская идиллия неоднократно описывается в самых привлекательных красках. Ср. Ястремский, стр. IV, примеч. 6; 48, 79, 56. Ср. также «Монголо-ойратский героический эпос», стр. 203.

2145—2148. Пословица.

2154. По-алтайски поставлено слово *нӧкӧр*, старинный монгольский феодальный термин со значением: ‚дружинник', ‚военный слуга'.

2157. *Почуял.* Ср. подобную же сцену в «Образцах», т. I, перевод: «Sein Schimmel blieb stehen. Kan Püdäi fragte: «Weisst du, ob ich leben werde! Was ist mein Schimmel?—sagte er» (стр. 70). «In der Erde Mitte blieb der Schimmel stehen. Kan Püdäi fragte: «Wird meine Seele sterben? Wird mein Alter zunehmen? Was weisst du nur?—sagte er» («Его конь стал. Кан Пюдэй спросил: «Известно ли тебе, что я останусь жив? Что это, конь мой?»—На средине земли конь остановился. Кан Пюдэй спросил: «Умрет ли моя душа? Прибавится ли моя старость? Что известно тебе?»)—стр. 73.

2175. *Семиглавая лютая змея.* Лютая—собственно *йек*, т. е. ‚людоедка', ‚обжора'. В другой алтайской сказке («Образцы», т. I, перевод, стр. 286) действует семиглавое чудовище под приведенным выше названием. Ср. еще Анохин, стр. 6.

2200. *Встряхнул.* Обычный магический прием для

превращения одного предмета в другой. Ср. «Образцы», т. I, перевод, стр. 57: «Die beiden magern Kameele schüttelte er dorthin, schüttelte er hierhin, Kün-Kan mit seiner Frau wurden sie» («Обоих тощих верблюдов потряс он так, потряс этак: они превратились в Кюн-Кана с женой»). Ср. также примеч. к ст. 1652. В переводе поставлено: «так и этак встряхнул» вм. более точного: «туда и сюда встряхнул».

2203. *Кисет*—кисет для табака, который обыкновенно пришивается к поясу.

2255—2256. Поговорка.

2290. *Послужить*. Термин *такырга* обозначает собственно шаманское служение.

2293. *Сегодня, на утро*. Разговор происходил ночью, перед еще не наступившим утром.

2297. *Частый, громкий*. В оригинале *табу̀р тубу̀р*, парное словосочетание, картинно передающее падение дождя.

2306. *Маленького*. Дословно: ‚колыбельного'.

2347. *Мать и отец*—специфически алтайский порядок слов (то же и в других тюркских языках).

2431. *Золотыми друзьями*—обычный эпитет верного друга. Ср. еще «Образцы», т. I, перевод, стр. 93: «Zwei untrennbare Freunde, Zwei goldene Freunde seid»,—sagte er. («Будьте двумя неразлучными друзьями, Двумя золотыми друзьями»—сказал он.)

2450. Никаких пояснений дальше оригинал не дает.

2460. *Потряс*. Дословно: ‚потряс туда и сюда'. Цель этого—изменить размеры и форму жеребят. Для того, чтобы превратить один предмет в другой, всегда требуется его потрясти. См. примеч. к ст. 2200.

2485. В переводе несколько переставлены и изменены строки оригинала.

2503. *Встретить готовились*. Для того, чтобы погубить Кускун-Кара-Матыра, свояки избрали традиционный для нашего фольклора способ: замаскированную столом или кошмой яму с пикой на дне, причем жертва неизбежно проваливается в эту яму. Ср. Ястремский, стр. 39, где герой также проваливается в подобного рода яму, и Поппе (Аларский говор, 2, стр. 125), где герой проваливается в бездну, прикрытую войлоком и столом.

2557. *Черного ада.* «Кипящий черный» ад упоминается у Анохина (стр. 87). Это—постоянные эпитеты ада.

2583—2594. Поговорка.

2591. *Жеребец.* Далее пропуск в оригинале. Повидимому, кости Кускун-Кара-Матыра нашел жеребец (ниже герой благодарит его).

2605. *Благодарит.* В подлиннике глагол *алка* (‚благословлять')—шаманский термин. См. Ястремский, стр. 102, примеч. 1.

2654. *Соединила.* Перевод, далекий от подлинника.

2684. *Так Темене-Кö.* Далее перевод и подлинник не вполне совпадают.

2773—2788. Образец проклятия (в шаманском стиле).

2776. *Белый скот*, т. е. чистый, приобретенный законным способом и посвященный добрым божествам. В шаманском обиходе «белый» выражал то же понятие дозволенного и освященного религиозной санкцией, как в исламе *халяль.*

См. об этом выражении (*ак мал*) Анохин, стр. 110, где оно переводится, как ‚благоприобретенное имущество'. См. Радлов, «Образцы», т. I: Das weisse Vieh (стр. 42, 75, 87 и 234). См. Катанов, «Образцы», т. IX, перевод: «Возьми ты белый скот» (стр. 175). «Он пробирался между белым скотом» (стр. 299). «Было у него много белого скота» (стр. 313).

2805—2806. Поговорка. Речь идет о розысках родословной в пределах семи поколений предков, что для алтайца представляется невозможным. Вся фраза обозначает, что с тех пор попытки Темене-Ко найти мужа будут безнадежными.

2835. *Обратил.* У Радлова («Образцы», т. I, перевод, стр. 51) сын превращает родителей в птицу.

2882. *Полы за пояс заткнула*—т. е. приготовилась к большому и важному делу.

2899. *С бабку.* См. примеч. к ст. 305. Обручали обыкновенно с детства. И то и другое—поговорка.

2903. Пословица. Голенище из холста привязывали к кожаной подошве веревкой (*бӱжы*).

2932. У Анохина, стр. 17, упомянут «синий козел с железными рогами—вестник потöпа».

2935. Дословно: ‚Ты его видел?'

2951. *Как шелк.* См. примеч. к ст. 316.

2975. *Сосцы девиц*. Ср. Анохин, стр. 111: «гора с двумя сосцами».

2984. См. примеч. к ст. 952.

3021. Дословно: ‚Серебряный Перламутр'.

3026. *Дочерью*. Дословно: ‚птенцом'. Грамматический род в алтайском языке отсутствует.

3038. *Булгарской кожи*. «Экспортная» кожа древнего города Булгар (на Волге). Слово «булгарка» в память кожевенного производства в этом центре камских булгар сохранилось во многих языках под различными формами.

3040. *Чегедѐк*—верхнее платье замужних женщин. Слово встречается в западно-монгольских наречиях. Ср. Анохин, стр. 33, 43.

3055. В данном случае этим словом (Kelin)—‚молодуха', ‚невестка'—называют друг друга жены одного мужа.

3066. ‚Золотое Кольцо'.

3073. *Письмом*. В подлиннике—измененное монгольское слово *бичик*.

3075. *Гонцов—эльчѝ*. Слово это означает также ‚представитель племени', своего рода ‚делегат'; в современном турецком языке ‚посол', ‚посланник'.

3080. Поговорка.

3085. *Нарезано*. Описание свадьбы выдержано в традиционных тонах. Арака и мясо—принадлежность каждого эпического пира или свадьбы. Ср. Радлов, «Образцы», т. I, перевод, стр. 28, 76, 263; Катанов, «Образцы», т. IX, перевод, стр. 137; Ястремский, стр. 108; Поппе, стр. 151. Сравнение всюду то же: араки—море (озеро), мяса—горы.

3093. *Борцы-молодцы*. Борьба на пиру упоминается в источниках, перечисленных в примеч. к ст. 3085.

3104. *Своим кругом*. Женщины и мужчины на свадьбе и пирах сидели отдельно. Ср. Ястремский, стр. 62.

3118. *Играли*. Далее во второй версии оригинала несколько иначе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Радлов В. В. ак. Образцы народной литературы тюркских племен, тт. I, 1866, II и IX (последние два дополнительно)—текст и немецкий перевод.

2. Radloff W. Aus Sibirien. I—II. Leipzig 1893 (2-e Auflage).

3. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М. 1893.

4. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Лгр. 1924, Сборник Музея антропологии и этнографии Всесоюзной Академии Наук, т. IV, 2.

5. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Лгр. 1929.

6. Владимирцов Б. Я. ак. Монголо-ойратский героический эпос, Москва—Петроград 1923, «Всемирная литература».

7. Малов С. Е. Остатки шаманства у желтых уйгуров. Журнал «Живая старина», 1912, XXI.

8. Малов С. Е. Сказки желтых уйгуров. Там же, тот же выпуск.

9. Малов С. Е. и Фиельструп Ф. А. К изучению турецких абаканских наречий. «Записки Коллегии Востоковедов», т. III, 1928.

10. Kowalsky T. Ze studjów nad forma poezji ludów tureckich. Kraków 1919. (Русское изложение в статьях А. Линина в «Известиях Восточного

факультета Азербайджанского государственного университета», Востоковедение, тт. I—III, 1926—1928).
11. Корш Ф. Е. ак. Древнейший народный стих турецких племен. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIX, Спб. 1909.
12. Radloff W. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», IV. Berlin 1866.
13. Fabó. Rhytmus und Melodie der türkischen Volkslieder. «Kaleti Szemble», VII 1906.
14. Аносский Сборник. Труды Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества 1916.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Ю. М.* Соколов. Художественная редакция М. П. Сокольников. Лит.-техническ. наблюдение А. А. Реформатский. Тех. ред. Л. А. Фрязинова. Наблюдение на производстве М. И. Козлов.

* * *

Сдано в набор 3. I. 1935.
Подп. в печать 13. IV. 1935.
Тир. 5 300.
Уполномоч. Главлита 2409.
Зак. тип. № 22. «Ас» № 138.
Инд. А—7. Бум. 72×108-1/32.
Печ. л. 6 3/8. Авт. 10,5 л.
Тип. зн. на 1 бум. л. 84864

* * *

Отпечатано в 16-й типографии треста «Полиграфкнига» Москва, Трехпрудный, 9.

Цена Р. 6.00
Переплет Р. 2.00

